

Магия и фетишизм

Альфред К. Хэддон

MAGIC AND FETISHISM

By

ALFRED C. HADDON, Sc.D., F.R.S.

UNIVERSITY LECTURER IN ETHNOLOGY, CAMBRIDGE

LONDON

ARCHIBALD CONSTABLE & CO LTD

16 JAMES STREET HAYMARKET

1906

Электронная книга проекта "Гутенберг" о Магии и фетишизме

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Магия и фетишизм

Автор: Альфред К. Хэддон

Дата выхода: 31 марта 2020 г. [Электронная книга № 61725]

Последнее обновление: 17 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено deaurider и командой онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "МАГИЯ И ФЕТИШИЗМ" ***

Религии Древние и современные

МАГИЯ И ФЕТИШИЗМ

МАГИЯ И ФЕТИШИЗМ

Автор: АЛЬФРЕД К. ХЭДДОН, доктор философии, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ЭТНОЛОГИИ В университете Ф.Р.С.

КЕМБРИДЖ

ЛОНДОН

ARCHIBALD CONSTABLE & CO. Ltd.

ХЕЙМАРКЕТ На Джеймс-СТРИТ, 16

1906

Эдинбург: Т. и А. Констебли, печатники Его Величества

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нелегко отдать должное такому большому, всеобъемлющему и в то же время расплывчатому предмету, как магия, в небольшом разделе Букваря, и часть даже этого небольшого пространства пришлось посвятить другому предмету. За грехи упущения я должен просить этого оправдания; за грехи совершения я прошу снисхождения читателя.

А. С. Н.

Содержание

МАГИЯ

I. СИМПАТИЧЕСКАЯ МАГИЯ.

А. Заразительная магия.

Пары волос, ногтей и т.д. (3), прядь волос на голове (4), слюна (5), шарик удачи (5), следы ног (6), одежда (7), кусты тряпья и лунки для булавок (8), личные "украшения" (9), еда (10), каннибализм (10), симпатические отношения между людьми (11), кувад (13).

Б. Гомеопатическая магия.

Растения (15), вызывающие дождь (16), вызывающие ветер (18), размножение растений (18) и животных (19), заманивание животных для поимки (19), изображения людей, наносящие увечья или убивающие людей (20).

II. МАГИЧЕСКАЯ СИЛА ИМЕН И СЛОВ.

Возражение против упоминания имен людей, фей и животных (22), имен силы (24), сатиры (26), *гейса* (27), табу (28).

III. ТАЛИСМАНЫ И АМУЛЕТЫ.

Камни и металлы (30), цвет (31), кости, зубы, когти и т.д. (32), счастливая свинья (33), амулеты от сглаза (33), кость удачи (39).

IV. ГАДАНИЕ - (40).

V. ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЧАСТНАЯ МАГИЯ.

А. Общественная магия.

Австралийские тотемные церемонии *интичиума* (41), танец мускуаки при посадке кукурузы (45).

Б. Частная магия.

Народные средства (46), любовные чары (47), нечестивая магия (48).

VI. МАГИ.

Обучение магов и общества магов (51).

VII. ПСИХОЛОГИЯ МАГИЧЕСКИХ ПРАКТИК.

Нервная неустойчивость (53), внушение (53), притворство (55), табу (55), мана (58), проективная сила воли или телепатия (60), от заклинания до молитвы (61), невыполнимое (62), лазейки на случай неудачи (63).

ФЕТИШИЗМ

I. ОПРЕДЕЛЕНИЕ.

1. Этимологический (66), 2. Исторический (66), 3. Догматический (67).

II. ОСНОВНЫЕ СИМВОЛЫ ФЕТИШИЗМА.

Может быть любым объектом (72), символическим оберегом с симпатическими свойствами (74), знаком или жетоном, представляющим идеальное понятие или существо (76), жилищем духовного существа (77), средством общения духа (79), инструментом, с помощью которого дух действует (80), обладает личностью и волей (83), может действовать по собственной воле или от чужого духа (84), дух и материальный объект могут быть разделены (87), которым поклонялись, приносили жертвы, с которыми разговаривали (89), ласкали и жестоко обращались (90).

III. ФЕТИШИЗМ КАК ФОРМА РЕЛИГИОЗНОГО ПОКЛОНЕНИЯ-(91).

Магия

I. СИМПАТИЧЕСКАЯ МАГИЯ

По мере роста знаний человечество узнает все больше и больше о мире и процессах природы, но даже в наши дни подавляющее большинство белых людей обладают лишь рудиментарным объемом этих знаний; действительно, большинство так называемых образованных людей имеют очень смутные представления о физической вселенной, в которой они живут. В таком случае неудивительно, что у первобытных народов очень запутанные представления об этих вопросах, и в результате ложных предположений относительно причин явлений они стремятся достичь целей средствами, которые мы признаем неадекватными. "Очевидно, - как указывает доктор Джевонс (36, 33), - что до тех пор, пока человек как бы предоставлен сам себе среди этих бесчисленных возможных причин, не имея ничего, что могло бы направлять его выбор, шансы против того, чтобы он сделал правильный выбор, значительны". Далее, "никакого прогресса в науке не могло быть достигнуто до тех пор, пока человек не научился отличать, по крайней мере приблизительно, возможные от абсолютно невозможных следствий (или причин) и не научился сбрасывать со счетов невозможное. Можно было бы ожидать, что опыта будет достаточно, чтобы научить человека этому существенному различию, но подавляющее большинство человеческой расы еще не усвоило из опыта, что подобное не обязательно порождает подобное: вероятно, четыре пятых человечества верят в симпатическую магию".

Примеры симпатической магии, как указывает доктор Хирн (32, 278), естественным образом делятся на два основных класса, которые, вообще говоря, соответствуют двум типам ассоциации, смежности и подобию, и поскольку в психологии часто трудно решить, берет ли начало данный ассоциативный процесс в отношении смежности или в одном из подобию,

поэтому часто остается открытым вопрос, к какой группе следует отнести данное суеверие. Мы начнем с фактов, которые проще и понятнее объяснить.

А. Заразительная магия.

1. Симпатическая магия, основанная на материальной связи между вещами (32, 279), была метко названа доктором Фрейзером (21, 77) **Заразительной магией**. Во всем мире мы встречаемся с примерами веры в то, что объекты, которые когда-то были связаны друг с другом, сохраняют свою связь, хотя они могут быть разделены, и что бы ни случилось с одной частью или объектом, другая часть или объект подвергаются аналогичному воздействию; таким образом, воздействуя на часть данного целого, мы можем влиять на целое так же, как и на все другие его части.

Эта вера объясняет, почему маг, желая повлиять на какого-то конкретного человека, желает получить какую-то часть его тела или что-то, действительно связанное с ним. Несколько волосков из бороды, прядь волос, несколько обрезков ногтей, капля крови из носа, которая упала на землю и которую не удалось сделать неосязаемой, если стереть ее ногой, используются магами Басуто (10, 277), да и вообще работниками магии повсюду. Нескольких примеров, собранных г-ном Хартлендом (30, ii. 66), будет достаточно, чтобы продемонстрировать универсальность этого убеждения. В некоторых частях Англии девушке, брошенной своим возлюбленным, советуют взять прядь его волос и сварить ее; пока она будет кипеть в кастрюле, у него не будет покоя. В некоторых частях Германии и Трансильвании обрезки волос или ногтей, а также осколки зубов закапывают под бузиной, растущей во дворе, или сжигают, или тщательно прячут, опасаясь ведьм. Патагонцы сжигают волосы, срезанные со своих голов, и все обрезки ногтей, поскольку они верят, что любой, кто сможет раздобыть кусочек того и другого, может наложить на них заклятие.

Сила волос проявляется в поверьях о длинной узкой ленте из бисера, которой перевязывают волосы женщины племени мускуаки (56, 96, 7). Это, хотя и талисман, при первом ношении становится чем-то бесконечно более священным и драгоценным, поскольку наполняется сущностью ее души; любой, кто завладеет им, сделает ее жалкой рабыней, если сохранит его, и убьет, если уничтожит. Женщина превратится из мужчины, которого она любит, в мужчину, которого она ненавидит, если он ухитрится завладеть ее нитью для волос; а мужчина оставит жену и детей ради ведьмы, которая коснулась его губ своей нитью для волос. Нитка для волос изготавливается для девочки ее матерью или бабушкой и украшается узорами 'удачи'; над ней также молятся создатель и шаман. Украшение в виде пряди волос на голове, которое носят мужчины племени мускуаки, хранится с большой осторожностью, поскольку оно помогает защитить душу. Как вырывание пряди из скальпа делает душу в ее основе рабыней того, кто ее получает, так и обладание ее украшением и щитом, которые вобрали в себя часть ее сущности, дает владельцу способность насладиться на законного владельца мозговую лихорадку и безумие (56, 106).

На островах Южных морей для успеха любого колдовства было необходимо закрепить что-либо, связанное с телом жертвы. Соответственно, доверенный слуга вождя на Гавайских островах всегда носил с собой плевательницу для сбора его мокроты, которую каждое утро тщательно закапывал. Таитяне обычно сжигали или закапывали срезанные волосы, и у каждого из них была своя корзинка для еды. Как указывает м-р Хартленд (30, ii. 76), повсеместно практикуемый обычай стирать все следы слюны после плевок, несомненно, возник из желания предотвратить

ее использование в магических целях, и то же самое желание привело к чрезвычайной чистоте в удалении более грязных выделений, что почти повсеместно является характерной чертой дикарей. Таким образом, эта вера была одним из самых полезных суеверий.

Мешочки на удачу из красной ткани, содержащие "четыре предмета удачи", изготавливаются ведьмами в Италии (43, 287), которые во время шитья произносят заклинание. Американские негры привезли из Западной Африки искусство изготовления "шариков удачи" или 'мешочков кунджерин', практика, которая сохраняется и по сей день. Предполагается, что они приносят счастье и успех во всем, за что берется владелец; один из них, сделанный для Чарльза Г. Лиланда по наущению мисс Оуэн (57, 173), содержал, в дополнение к завязанным ниткам, кусочек фольги, символизирующий яркость маленького духа, который должен был быть на балу, лист клевера *вместо волос того, кому будет принадлежать мяч*, и немного пыли, предназначенной для ослепления глаз врагов. Мисс Оуэн попросила того же человека, Александра, короля Вуду, который делал мяч для мистера Лиланда, сделать такой же для меня, и она сообщила мне, что "он был сделан точно так же, как у мистера Лиланда, с теми же словами и из тех же материалов, за исключением клевера. Сейчас не сезон для клевера, *поэтому клочок бумаги, вырванный из одной из ваших книг, представляет вас*."

Не обязательно, чтобы объект, с которым нужно оперировать, был действительной частью человека, достаточно чего-то, что ассоциируется с этим человеком, например, чего-то, что обычно носят или используют, или, как в случае с только что упомянутым мячом удачи, ассоциация может быть столь же отдаленной, как связь между автором и листом бумаги из книги, которую он опубликовал.

Земля со следами человеческих ног, благодаря своему тесному контакту с человеком, приобрела свойства части его тела. В Германии широко распространено поверье, что если взять дерн, по которому ступал человек — тем лучше, если он ступал босой ногой, — и высушить за очагом или печью, он пересохнет вместе с ним и зачихнет, или его нога засохнет. Он будет искалечен или даже убит, если заколотит свой след гвоздями — лучше всего гвоздями для гроба — или битым стеклом (30, ii. 78); но это также обычай австралийцев или других дикарей. Приведу только один пример из Австралии (34, 26): острые осколки кварца, стекла, кости или древесного угля закапываются в следы жертвы или в отметины, оставленные на земле его лежащим телом. Предполагается, что они проникают в тело жертвы, и им очень часто приписывают ревматические заболевания.

Одежда, благодаря своей тесной связи с человеком, естественным образом заняла видное место среди инструментов колдовства. В Германии и Дании ни в коем случае нельзя надевать на труп одежду выжившего, иначе владелец будет чахнуть, пока она разлагается в могиле. Повесить лохмотья от одежды мертвеца на виноградную лозу - значит сделать ее бесплодной. 'Вероятно,' предполагает мистер Хартленд, - это всего лишь различная интерпретация той же веры, которая в христианских, мусульманских и буддийских странах привела к приписыванию чудесных сил одежде и другим реликвиям усопших святых. Божественная сила, которая была имманентна этим персонажам при жизни, присуща не только каждой части их тел, но и каждому лоскутку их одежды" (30, ii. 90). Наглядную параллель можно провести с Тихим океаном. Красные перья, украшавшие священный пояс, который носили короли Таити, были взяты с изображений богов. Пояс, "таким образом, стал священным даже как олицетворение богов, поскольку предполагалось, что перья сохраняют все ужасные атрибуты власти и мщения,

которыми обладали идола и которыми он был предназначен для наделения короля'. Это было настолько могущественным, что, по словам м-ра Эллиса (17, iii. 108), "не только возвысило его до высочайшего земного положения, но и отождествило с их богами".

Вполне возможно, как предполагает м-р Хартленд (30, ii. 214), что необразованные люди могли бы рассуждать так: если предмет моей одежды в руках ведьмы может причинить мне страдания, то тот же предмет в контакте с благотворной силой может облегчить боль, вернуть мне здоровье или способствовать моему общему процветанию. Следовательно, практика бросания булавок в колодцы, привязывания тряпок к кустам и деревьям, забивания гвоздей в деревья и косяки, забрасывания камней и палок в пирамиды из камней и аналогичные практики по всему миру предполагают, что их следует интерпретировать как акты церемониального единения с духом, отождествляемым с колодцем, деревом, косяком или пирамидой из камней (30, ii. 228). На Британских островах святость колодца или куста была впоследствии нарушена миссионерами, поселившимися рядом с ними, и, таким образом, мы находим колодцы или деревья, названные в честь определенных святых, и приписываемую последним целебную силу, тогда как святость и действенность колодцев были в подавляющем большинстве случаев, если не во всех, дохристианскими (27, 383).

Предметы носят или едят, чтобы путем индукции индивид мог приобрести их свойства. Так, краснокожий охотник-индеец (70, 131) носит украшения из когтей медведя гризли, чтобы перенять его мужество и свирепость, а тирольский охотник по-прежнему носит в шляпе пучки орлиного пуха, чтобы приобрести острое зрение и отвагу орла. "Посмотрите, - пишет Казалис (10, 271), - на эти странные предметы, висящие на шеях наших маленьких черных друзей. Существует лапка воздушного змея для того, чтобы бедный ребенок мог избежать несчастья с быстротой воздушного змея в его полете. У другого есть львиный коготь, чтобы его жизнь была так же надежно защищена от любой опасности, как у льва; третий украшен бараньей лапкой или железным кольцом, чтобы он мог противопоставить злу сопротивление, твердое, как железо, или как та маленькая плотная косточка без костного мозга, которую нельзя без труда раздавить между двумя камнями".

Употребление в пищу определенных видов пищи, особенно мяса животных, также имело бы очень мощный эффект; так, среди даяков (65, i. 176) молодые люди иногда воздерживаются от употребления мяса оленя, чтобы не стать робкими. Парагвайские абионы (14, 258) 'ненавидят саму мысль о поедании кур, яиц, овец, рыбы или черепах, воображая, что эти нежные виды пищи порождают лень и истому в их телах и трусость в их умах. С другой стороны, они с жадностью поедают мясо тигра [ягуара], быка, оленя, кабана, анта и тамандуа [муравьедов], полагая, что от постоянного поедания этих животных их сила, смелость и отвага возрастают".

Вера в заразительную магию вполне логично приводит к различным отвратительным практикам. В Торресовом проливе молодые люди пили пот прославленных воинов, которые также смешивали со своей пищей соскобы с ногтей воинов, пропитанные человеческой кровью, чтобы "стать сильными, как камень; не бояться" (29, ст. 301). Глаза и язык только что убитого врага часто вырывали и отдавали парням, чтобы сделать их храбрыми и бесстрашными. Австралийские аборигены верят, что жир человека, его сила и жизненная сила взаимосвязаны, поэтому истощение организма и болезни являются результатом отсутствия жира, за которым, возможно, последует смерть. Съедая человеческий жир и таким образом делая его частью себя, чернокожий парень думает, что он также приобретает силу умершего. Точно так же они

думают, что человеческий жир приносит успех на охоте, заставляет копья, смазанные им, метко метать или дубинку наносить неотразимые удары. Следовательно, обладание человеческим жиром очень желательно для этих аборигенов, особенно для тех, кто чувствует возраст или болезнь, или кто желает преуспеть в магических искусствах, поскольку считается, что дух умершего человека, жир которого был использован, поможет заклинанию действовать (35, 411, 361). Каннибализм в магических целях такого рода, вероятно, был чрезвычайно распространен и, возможно, лежит в основе значительной части антропофагии.

Очень широко распространено убеждение, что близких родственников или даже друзей связывают друг с другом симпатические отношения, которые особенно проявляются в важных случаях или в критические моменты. Когда деревенский даяк отправляется в джунгли поохотиться на дикую свинью, те, кто остается дома, не должны прикасаться к воде или маслу руками в отсутствие своих друзей, чтобы все охотники не стали "маслянистыми" и добыча не ускользнула от них (60, i. 430). С острова Борнео также записано, что, когда мужчины отправляются в военную экспедицию, дома разжигают костры, расстилают циновки, поддерживают огонь до позднего вечера и снова зажигают перед рассветом, чтобы людям не было холодно; крышу дома открывают перед рассветом, чтобы люди не лежали слишком долго и не попали в руки врагов (60, ii. 104). Опять же, когда даяк отправляется на охоту за головами, его жена или, если он не женат, его сестра должны носить меч день и ночь, чтобы он мог всегда думать о своем оружии; и она не может спать днем и ложиться спать раньше двух часов ночи, чтобы ее муж или брат не были застигнуты врасплох врагом во сне (20, i. 30). Подобные примеры из различных диких стран можно было бы легко множить до бесконечности, но даже в Европе нет недостатка в свидетельствах о настоящей симпатии между мужем и женой, когда первый страдает некоторыми характерными для последней недугами (59, 240). Существует очень широко распространенный ряд обычаев, основанных на вере в то, что отец и его нерожденный или только что родившийся ребенок находятся в таких симпатических отношениях, что первый должен принимать всевозможные меры предосторожности, чтобы его отпрыск каким-либо образом не пострадал. Крайняя форма, которую принимает этот обычай, заключается в том, что новоиспеченный отец укладывается спать и соблюдает специальную диету; это встречается во многих местах, но особенно на Ост-Индском архипелаге и в Южной Америке. Обычай, известный как *куваде*, подвержен множеству модификаций, которые были сведены в таблицу и обсуждены г-ном Х. Линг Ротом (59, 204). У сухопутных даяков Борнео муж беременной женщины до момента ее родов не может выполнять работу никаким острым инструментом, за исключением того, что может быть абсолютно необходимо для ведения хозяйства на его ферме; он не может связывать вещи ротангами, бить животных, стрелять из ружей или делать что-либо насильственного характера из опасения поранить ребенка. Часто мужчинам приходится воздерживаться от определенной пищи, чтобы она не повлияла на ребенка; так, в Гвиане употребление агуты сделало бы ребенка худым, или поедание *лаббы* сделало бы рот младенца выпяченным, как у *лаббы*, или покрыло бы его пятнами, как у *улаббы*, которые в конечном итоге превратились бы в язвы (59, 220). Таким образом, отцу часто запрещают совершать многие из обычно необдуманных повседневных действий, чтобы они не повлияли на благополучие только что родившегося или готовящегося родиться ребенка; и наблюдается любопытное развитие веры в оккультную реакцию ожидаемого ребенка на отца, влияющую, например, на его успех в рыбной ловле (59, 234).

Б. Гомеопатическая магия.

2. Когда человек впервые начал задумываться об окружающем его мире, он, должно быть, отметил (на что он, как и другие животные, бессознательно действовал в прошлом), что день и ночь и времена года сменяются друг за другом, восходят и заходят одни и те же звезды, животное воспроизводит себе подобных, фактически, в природе существует единообразие. Но бок о бок с этими естественными последовательностями происходили нарушения. Некоторые дни были короче других, одни были яркими, другие облачными, продолжительность и характер сезонов менялись из года в год, некоторые звезды двигались по небу независимо от большинства. Опять же, он, возможно, рано заметил, что многие из этих колебаний солнечного света и дождя, жары и холода влияли на него прямо или косвенно, влияя на растительность. Поэтому нам не нужно удивляться, если он придет к выводу, что для него было бы лучше, если бы он приложил все усилия, чтобы как-то урегулировать ситуацию, но тогда возникнет трудность: что ему было делать?

Непросветленный ум не делает различия между причиной и следствием и воображает, что подобное порождает подобное, поэтому результата можно достичь, имитируя его. Отсюда возникла **миметическая** или **Символическая Магия**, которую, вслед за доктором Хирном, лучше назвать **гомеопатической Магией**, представляющей собой оккультное влияние, основанное на сходстве между вещами (32, 282). На этом была основана средневековая медицинская теория, известная как Доктрина сигнатур, которая предполагает, что растения и минералы по своим внешним признакам указывают на болезни, которые природа предназначила им лечить.

Было бы легко привести большое количество примеров, иллюстрирующих гомеопатическую магию, но нескольких будет достаточно. Таким образом, евфразия, или яркая для глаз, считалась и остается полезной для глаз благодаря черному пятну, похожему на зрачок, в ее венчике (70, 123). Желтая куркума, или шафран, излечивала желтуху. Корни роз или их побеги, с удаленными сучками и посаженными среди раkitника, принесут желтые розы (47, x. 70).

Влияние гомеопатической магии можно проследить в верованиях и практиках от самых низших дикарей до цивилизованных народов. Маг, который работает по подобию, создает представления о вещах или существах, чтобы приобрести влияние на них. Посредством драматической или изобразительной имитации воздействуют на небесные тела, вызывают дождь, размножают растения и животных, соблазняют животных на их уничтожение, воздействуют на людей.

Когда на острове Мюррей в Торресовом проливе хотели вызвать дождь, заклинатель дождя выкопал в земле ямку, выстелил ее листьями и поместил в нее грубое каменное изображение человека, которое предварительно было помазано маслом и натерто душистой травой; затем он полил изображение отваром измельченных листьев различных растений, смешанных с водой, - изображение было помещено в ямку таким образом, чтобы указывать на ту сторону, откуда ожидался дождь. Статую засыпали землей, а на холмик положили листья и ракушки, и все это время вызывающий дождь бормотал заклинание низким замогильным голосом. Четыре большие ширмы, составленные из сплетенных листьев кокосового ореха, были размещены в изголовье, изножье и по бокам могилы, изображая облака; к верхней части каждой был прикреплен почерневший продолговатый кусок растительной ткани, имитирующий черную грозовую тучу, а листья кокосового ореха, обращенные листочками вниз, были подвешены

рядом, изображая дождь. Был зажжен факел и им размахивали вдоль над могилой; дым изображал облака, а пламя имитировало молнию, и раздавался звук бамбуковой колотушки, имитирующей гром.

Предполагалось, что дождь пойдет, когда отвар вокруг изображения протухнет. Заклинание состояло из перечисления различных аспектов определенных форм облаков. Вызвать дождь таким способом могла только одна часть общины, и среди них один или два человека имели гораздо большую репутацию, чем остальные (29, vi.).

Это можно рассматривать как пример типичной церемонии вызывания дождя, в которой имитируются все явления грозового дождя.

Если уроженцу Мабуйага, что в Торресовом проливе, требовался дождь, он шел к мастеру по приготовлению дождя и просил его приготовить немного. Последний мог бы ответить: 'Иди и положи еще немного соломы на свой дом, да и на мой тоже'; это было сделано для защиты от надвигающегося дождя. Создатель дождя выкрасил переднюю часть своего тела в белый цвет, а заднюю - в черный. Мой информатор объяснил это так: "Все так же, какова облака, черные позади, белые идут первыми", или он раскрасил свое тело черными пятнами, чтобы облака шли отдельно; когда они собирались, шел дождь. Вызывающий дождь положил 'лекарство' в правую руку, помахал им над своим телом и произнес заклинание. Чтобы остановить дождь, создатель дождя нанес красную краску на макушку своей головы, изображающую сияющее солнце, и покрыл румянцем все свое тело. Затем он сложился вдвое и был плотно окружен тремя циновками, чтобы никакой ветер не мог проникнуть к нему. Наконец, он сжег несколько листьев на берегу моря, недалеко от воды, во время прилива; дым представлял облака, и когда он рассеялся, они исчезли, а когда наступающее море смыло пепел, облака рассеялись (29, ст. 350).

На острове Муралуг некие старики могли вызвать ветер, очень быстро раскручивая тонкую петлю, прикрепленную к длинной бечевке. Больше ветра можно было бы получить, забравшись на вершину дерева и выступая там. В этом случае шум, производимый ревущим быком, имитировал шум, производимый порывом ветра (29, ст. 352).

Примеры магического увеличения численности растений можно найти в "камнях батата", которые различные папуасы размещают в своих садах, и которые своей округлой формой напоминают настоящие клубни (28, 202; 29, vi.).

Следующие примеры взяты из сокровищницы народных обычаев и верований — "*Золотая ветвь*". В Тюрингене человек, сеющий лен, несет семена в длинном мешке, который достигает его плеч до колен, и он ходит широкими шагами, так что мешок раскачивается взад-вперед у него за спиной. Считается, что это заставит лен развеиваться на ветру. Во внутренних районах Суматры рис сеют женщины, которые при посеве распускают волосы по спине, чтобы рис рос пышно и имел длинные стебли. В Германии и Австрии принято считать, что если высоко подпрыгнуть на полях, то лен или конопля вырастут высокими. Баварский сеятель, сеющий пшеницу, иногда надевает золотое кольцо, чтобы зерно имело прекрасный желтый цвет (20, i. 35, 36).

Поскольку на стр. 41-44 даны ссылки на магические практики по размножению животных, дополнительные примеры добавлять здесь не нужно, их цель - обеспечить сообщество достаточным количеством пищи. По той же причине изображения рыбы, черепахи и дюгоня

были сделаны островитянами Торресова пролива и взяты с собой, когда они отправлялись на рыбалку, с идеей, что изображение заманивает реальное животное на верную гибель; и мужчины клана дюгоней, которые были символически украшены, совершали миметические движения с мертвым дюгоном, чтобы заставить других прийти и быть пойманными (29, ст. 337, 182 и vi.).

Те же самые люди вырезали маленькие человеческие фигурки из тонких деревянных пластинок и покрывали их пчелиным воском, или изображения были сделаны полностью из пчелиного воска. С этими фигурами обращались по-разному из-за нечестивой магии, но всегда первым действием было называть их по именам людей, на которых они должны были воздействовать. Если фокусник отрывал руку или ногу от изображения, пациент чувствовал боль в соответствующей конечности, ему становилось плохо, и в конце концов он умирал в сильных муках; если фокусник восстанавливал отрубленную конечность, пациент выздоравливал. Если фокусник уколет острием скатового ужала изображение, которое было названо, указанный человек будет ужален скатовым ужалением в то же место, когда он отправится ловить рыбу на риф (29, v. 324). Аналогичные обычаи и по сей день практикуются в Британии. Первый пример взят из Росс-шира (48, 373). *Corp creagh* - это глиняное тело, грубо вылепленное по образу человека, которому желают причинить боль. После того, как получено сносно правильное изображение, его утыкают повсюду булавками и шипами и помещают в проточную воду. Поскольку изображение стирается под действием воды, жертва также чахнет от какой-нибудь смертельной болезни. Чем больше булавок втыкают время от времени, тем более мучительную агонию испытывает жертва. Однако, если какой-нибудь путник обнаружит *труп* в ручье, чары рассеиваются, и жертва должным образом выздоравливает. Из Аргайлшира мы узнаем (49, 144), что при втыкании булавок в глиняное изваяние использовалось длинное заклинание, начало которого было примерно таким: 'Пока ты чахнешь, пусть... чахнет; поскольку это ранит тебя, пусть это ранит ...'. Когда желалось, чтобы человек умер медленной смертью, заботились о том, чтобы булавки не касались того места, где должно было быть сердце; но когда желалась быстрая смерть, булавки втыкали в область сердца. Фактические примеры использования *корпорации chre* или *корпорации chreadh*, глиняного тела или глиняного трупа (как называет это доктор Маклаган), приведены двумя цитируемыми последними авторами, один из которых произошел примерно в 1899 году. Эта практика является всего лишь продолжением старых обычаев, ибо "король Яков в своей *Демонологии* говорит, что "дьявол учит, как делать изображения из воска или глины, чтобы при их обжиге люди, имена которых они носят, могли постоянно плавиться или иссыхать из-за постоянных болезней"; и считалось, что в одиннадцатом веке некоторые евреи сделали восковое изображение епископа Эберхарда, ходили со свечами, подкупили клерка, чтобы тот окрестил его, и подожгли в субботу, причем это изображение сгорело. на середине пути епископ тяжело заболел и умер" (70, 124).

Многие магические практики и верования трудно классифицировать либо как заразную, либо как гомеопатическую магию; они могут даже представлять собой смесь того и другого. Такова вера в силу имен или слов, талисманов и амулетов, гадания и различные практики общественной и частной магии. Они будут рассмотрены в отдельных разделах.

II. МАГИЧЕСКАЯ СИЛА ИМЕН И СЛОВ

А Имя считается отсталым народом неотъемлемой частью живого существа, и поскольку магия может быть оказана на человека с помощью материальных веществ, которые вступили с ним в контакт, то и магия может быть оказана через произнесение имени человека. На западе Ирландии и в Торресовом проливе люди отказывались называть мне свои имена, хотя не было никаких возражений против того, чтобы кто-нибудь другой сообщил мне эту информацию; идея, очевидно, заключалась в том, что, называя свое имя незнакомцу, они добровольно отдавали себя во власть этого незнакомца, который, узнав свое имя таким образом, мог каким-то образом повлиять на них. На большей части Америки была распространена вера в личную душу, которая не является ни телесной жизнью, ни тем более ментальной силой, но своего рода духовным телом. Во многих племенах, пишет доктор Бринтон (7, 277), эта третья душа, или 'астральное тело', имела отношение к частному личному имени. У майя и науа оно передавалось или возникло вместе с именем; и по этой причине личное имя было священным и редко произносилось. Таким образом, имя было частью индивидуальности, и через него душа могла быть ранена. Профессор Рис показал (58, 566-7) на основании филологических данных, что арийскоязычные народы 'одно время верили не только в то, что имя было частью человека, но и в то, что это была та его часть, которая называется душой, дыханием жизни'. Нежелание слышать, как упоминают их имена, свойственно не только людям, ибо, как хорошо известно, на Британских островах феи испытывают очень сильное отвращение к тому, чтобы их так называли; следовательно, их следует называть "Крошечным народцем", "Добрым народом" или другими двусмысленными терминами. Некоторые шотландские и английские рыбаки считают, что лосось и свинья одинаково возражают против того, чтобы их называли "по имени", но они не возражают, чтобы их называли соответственно "красной рыбой" или "чудаком".

Если можно оказывать влияние на людей, используя их имена, то разумно только верить, что на духов и божества можно оказывать аналогичное влияние. Жители островов Торресова пролива верят, что местное пугало или девушку-духа можно вызвать, назвав по имени (29, ст. 14, 86), поскольку эндорская ведьма вызвала дух Сэмюэля. Доктор Фрейзер (20, i. 443-6) приводит примеры, показывающие, что люди верили, что боги должны хранить свои истинные имена в секрете, чтобы другие боги или даже люди не смогли колдовать с их помощью; даже Ра, великий египетский бог солнца, заявил, что имя, данное ему отцом и матерью, "оставалось скрытым в моем теле с момента моего рождения, чтобы ни один маг не имел надо мной магической власти'. Вероятно, это была одна из причин, почему настоящие имена верховных Богов были известны лишь немногим избранным; одного примера будет достаточно. Для мусульман Аллах - всего лишь эпитет вместо Самого Великого Имени; ибо, согласно мусульманской вере, тайна последнего доверена только пророкам и апостолам. Другая причина заключается в том, что произнесение этих тайных имен дает огромную силу, ибо (42, 273) те, кто знает Самое Великое Имя Бога, могут, произнося его, перемещаться с места на место по желанию, могут убивать живых, воскрешать мертвых к жизни и творить другие чудеса.

Согласно еврейской традиции, когда Лилит, первая жена Адама, отказалась подчиниться ему, она произнесла Шем-хамфорах, то есть произнесла невыразимое имя Иеговы и мгновенно улетела. Это высказывание, очевидно, дало ей такую силу, что даже Иегова не смог принудить ее, и три ангела, Снои (Sennoi), Снсной (Sansennoi) и Смнглф (Sammangeloph), которые были посланы за ней, удовлетворились компромиссом, и Лилит поклялась именем Живого Бога, что она воздержится от причинения какого-либо вреда младенцам, где бы и когда бы она ни нашла

этих ангелов, или их имена, или их изображения на пергаменте или бумаге, или на чем бы еще они ни были нарисованы, "и для этого разум, - говорит раввинский писатель, - мы пишем имена этих ангелов на листах бумаги или пергаamenta и привязываем их к младенцам, чтобы Лилит, увидев их, вспомнила свою клятву; и могла воздержаться от причинения нашим младенцам какого-либо вреда" (1, 165). На востоке Лондона до сих пор сохраняется обычай печатать отрывки из Священного Писания и эти три имени на листах бумаги, которые развешиваются на четырех стенах комнаты, где ожидается рождение ребенка, где они остаются восемь дней для мальчика и двадцать дней для девочки.

Помимо принудительной силы, которая приписывается произнесению имен, существует аналогичная вера в произнесение слов или фраз. Эти **Слова Силы** были классифицированы мистером Клоддом (11, 194) как: (1) Творческие слова.; (2) Мантрамы и их родственники; (3) Пароли; (4) Заклинания или Инвокации для вызова духа мертвых, или для изгнания демонов, или для снятия чар с живых; и (5) Лечебные чары в формулах или магических словах. Мистер Клодд указывает, что эти классы накладываются друг на друга.

Даже среди таких отсталых народов, как австралийцы, некоторые знахари или колдуны были бардами, посвятившими свои поэтические способности чарам, таким как Бунджил-йенджин из племени курнаи, чьей особой отраслью магии было составление и пение сильнодействующих любовных чар и заключение браков с помощью заклинаний побега (35, 356, 274).

Мало в каких странах устное слово было более эффективным, чем в древней Ирландии; колдун, будь то друид или нет, стоял на одной ноге, вытянув одну руку и закрыв один глаз, и громким голосом произносил заклинание (37, i. 240). Главным оружием ирландских поэтов, с помощью которого они отстаивали свои требования, была *сатира*. Поэт мог бы сочинить сатиру, которая погубила бы посевы, иссушила бы дойных коров, и вызвала бы язвенный волдырь на лице. Рассказывают историю (37, i. 454) о Сенчане Торпесте, главном поэте Ирландии, жившем в седьмом веке, что однажды, когда в его отсутствие крысы съели его обед, он пробормотал сатиру, начинающуюся словами: 'Крысы, хотя у них острые морды, не сильны в бою', которая убила десятерых из них на месте. Шекспир и другие писатели елизаветинской эпохи часто ссылаются на веру в то, что ирландские барды могли загонять крыс в рифму до смерти. Ирландское *geis* или *geas* [произносится как геш или гасс], множественное число *geasa* [гасса], было точным эквивалентом обычного **табу**, но люди иногда накладывают на человека предписание в такой форме, как "Я накладываю на тебя тяжелую *геасу*, которую ни один истинный чемпион не преодолеет, делать то-то и то-то". Таким образом, ведьма заставляет Финна искать кольцо, которое она уронила в озеро; а Марбхан накладывается на архипоэта запрет. Сенчан торпедирует *geasa*, чтобы получить копию утерянной истории. Когда просьба была разумной или справедливой, отрекшийся человек не мог отказать без потери чести и репутации, и, вероятно, в первые дни был бы нанесен личный вред, если бы *geasa* были проигнорированы. Сила *гейс* была настолько сильна, что, когда Грания подвергла Диармуида *гиасе* опасности и разрушения, чтобы он сбежал с ней, его друзья посоветовали ему против его воли согласиться: Ойсин сказал: "Ты не виновен, если на тебя наложили узы", а Осгар сказал: "Это жалкий человек, который разорвет свои узы" (25, 347, 8).

Симпатическая магия широко используется в жизни отсталых народов не только в форме действий, которые необходимо выполнять, но и в тех, от которых следует воздерживаться. 'Ты не должен' более очевидно, чем "Ты должен". О запретах дикарей и варваров теперь говорят под

общим термином **табу**. Некоторые табу рациональны с нашей точки зрения, другие кажутся нам совершенно иррациональными, но это никоим образом не влияет на их обоснованность. Так много было написано на эту тему различными авторами, что здесь необходимо привести только один или два примера. Этот вопрос снова упоминается на [стр. 55](#).

Старинная ирландская сказка 'Брейден Да Дерга' повествует о разрушениях, последовавших за нарушением табу. Конайре, король Ольстера, был подвергнут определенным **запретам** со стороны своего отца, таким как: "Ты не должен *покидать* Тару, ни увядать вокруг Брегии", "Ты не должен охотиться на злых зверей Керны", 'Перед тобой не пройдут три Красных в дом Красных' и другие. Но по пути в Общежитие Дадерги "Они обошли Тару направо, а Брегию налево, и он охотился на злых зверей Черны, но не видел этого, пока погоня не закончилась'. Затем он увидел трех краснокожих, идущих перед ним к дому Рыжего, и Конайре сказал: "Все мои *геаса* схватили меня этой ночью", и на следующий день Конайре и все его войско были уничтожены в Общежитии Дадерги ([66, xxii.](#)). Когда Кухулин направлялся на свою последнюю битву, он встретил трех ведьм, дочерей волшебника, все слепые на левый глаз. Они готовили собаку с ядами и заклинаниями на веточках рябины. Для Кухулина было *геем* есть у кухонного очага или мясо собаки, но женщины дали ему честное слово не отказываться от предложенного куска, поэтому он взял его, и вся сила покинула левую руку, в которой он брал пищу ([66, iii.](#)).

III. ТАЛИСМАНЫ И ОБЕРЕГИ

В рассмотренных нами до сих пор формах магии что-либо делается человеком, будь то действием, представлением или словом, но есть и другая ветвь магии, в которой добродетель присуща определенным предметам, которые по-разному называются талисманами, оберегами или талисманами. Те, которые передают качества или которые носят на удачу, можно назвать **талисманами**, в то время как термин **амулет** может быть с выгодой ограничен теми амулетами, действие которых является превентивным; но один и тот же амулет в некоторых случаях используется для обеих этих целей. Эти предметы постоянно эффективны без каких-либо действий со стороны изготовителя или владельца, поскольку они обладают силой сами по себе, но это происходит по самым разным причинам.

Некоторые **камни** по цвету напоминают плоть; так, гранаты и сердолики носят в грубой обработке или изготавливают из бусин в качестве амулетов от кожных заболеваний. Большинству драгоценных камней приписывают особые свойства, а некоторые имеют репутацию несчастливых, как, например, драгоценный опал. Аметист, как следует из его названия, рассматривался древними греками как талисман от опьянения; у древних египтян аметист соответствовал зодиакальному знаку Козы, и поскольку коза была врагом виноградных лоз, то и аметист был врагом вина. Лиланд ([43, 351](#)) указывает, что это также 'отгоняет плохие мысли и наделяет зрелым и счастливым гением'. Представители различных рас носят янтарные бусы для лечения слабых глаз, и очень важно смотреть на них сквозь них, чтобы улучшить зрение ([43, 267](#)). Электрическая сила притяжения легких предметов янтарем при натирании, несомненно, была одной из причин его предполагаемых полезных свойств. Несколько **металлов** обладают активными магическими свойствами. Кусок неочищенной сурьмы в Италии очень эффективен, когда произносится следующий призыв: "Сурьма, искусная в изготовлении цинка и меди! ты самый могущественный, я всегда держу тебя при себе, чтобы ты мог прогнать от меня злых людей и принести мне удачу". Золото - самое доброе или приносящее удачу, и, как

сказала одна женщина, "сурьма сильнее свинца, потому что она состоит из трех металлов, или, скорее, в ней всегда есть медь и свинец" (43, 373-4).

Цвет сам по себе обладает своими магическими свойствами, отсюда частое использование красной шерстяной нити или материи в заговорах против сглаза, как выражается старая поговорка: "Чалое дерево и красная нить отгоняют ведьм от обряда вуду" (49, 156). По той же причине так высоко ценится красный коралл. Синий цвет одинаково эффективен, отсюда и ношение бирюзы столь многими народами Востока и Северной Африки, а синие бусы люди носят во многом по той же причине, что они вешают их на шею ослам или верблюдам.

Имея дело с заразной магией, мы видели, что многие предметы носят для того, чтобы владельцу могли быть переданы определенные качества животных, от которых они были получены. Бивень дикого **кабана**, приобретение которого очень желательно аборигенами Папуасского залива как знак храбрости, ценится не столько как личное украшение, сколько за храбрость, свирепость и отвагу, которые, как предполагается, он содержит и способен придать любому, кто его носит (33, 427). Вероятно, именно по этой причине кабаньи бивни так высоко ценятся по всей Новой Гвинее, где из них делают 'украшения', которые носят во рту или на груди, когда выходят на тропу войны. В Западной Африке **кости** с ног черепах высоко ценятся в качестве ножных браслетов, которые придают их обладателям выносливость. Некоторые племена носят нижнюю челюстную кость черепахи как средство от зубной боли; в данном случае причина, по-видимому, заключается в том, что, поскольку у черепахи нет зубов, она не может страдать от зубной боли, и, таким образом, эта беззубая челюсть может быть избавлена от зубной боли. Спинные кости змей соединяют в виде пояса для лечения болей в спине (3, 237).

Африканцы, согласно Арно (3, 237), в значительной степени верят в превентивные меры, и их очарование в основном такого порядка. Проезжая через страну, где в изобилии водятся леопарды и львы, они тщательно запасаются **когтями, зубами, губами и усами** этих животных и вешают их себе на шею, чтобы обезопасить себя от нападения. С той же целью охотники на слонов обычно носят кончик слоновьего хобота.

Большой класс талисманов состоит из **моделей** или **изображений объектов**, и атрибуты оригинала переходят к символу. Свинья, возможно, из-за своей обильной плодовитости, была в первую очередь посвящена богине земли, была ли она известна как Деметра, Церера или под любым другим именем. Лиланд указывает (43, 255), что маленькие золотые и серебряные поросята приносились в жертву Церере, которая была в высшей степени богиней плодородия, а следовательно, удачи и всех добрых влияний. По этим причинам их носили римские дамы, и "**счастливые свиньи**" до сих пор являются очень распространенными амулетами, особенно в Южной Германии.

Вера в **сглаз** не только широко распространена, но и чрезвычайно древна, и в некоторых местах все еще прочно укоренилась в народе. 'Игнорирование' может быть преднамеренным, но считается, что многие люди без умысла и даже против своей воли одним взглядом вызвали вредные последствия; так что в некоторых случаях матери не рискнули бы подвергать своих младенцев взгляду их собственных отцов. Плутарх (18, 13) ручается за это и признает, что зависть оказывает дурное влияние через глаза, и добавляет, что разумно использовать чары и противоядия, чтобы отвести эти злые взгляды. Его друг заявил, что некоторые даже очаровываются собственным взглядом, и сослался на историю Эвтелида, который, как и Нарцисс, пал жертвой восхищения, которое он испытывал по отношению к собственному

подобию. Женщины и дети, по-видимому, рассматривались всеми древними классическими авторами как наиболее подверженные травмам. У греков и римлян были установлены статуи Немезиды, которым поклонялись и к которым обращались, чтобы они спасали своих почитателей от очарования. В Риме, согласно Плинию, были приняты специальные законы против нанесения вреда посевам заклинаниями, воскрешением или зачарованием (18, 15).

"Не ешь хлеба того, у кого дурной глаз" сегодня является такой же максимой, как и во времена Соломона, и мистер Элуорти говорит (18, 107), что в Неаполе при появлении человека с такой репутацией раздается крик "Jettatore!", и даже на многолюдной улице это вызывает мгновенное исчезновение всех - бегство по входам, в магазины или куда—то еще. С момента основания религиозных орденов монахи пользовались особой репутацией обладающих роковым влиянием. Считалось, что у предпоследнего папы, Пия Девятого, был дурной глаз. Римлянин откровенно сказал бы: 'Ничто не преуспевает ни с кем и ни с чем, если он желает этому добра. Когда он отправился в Сент-Аньезе, чтобы провести большой фестиваль, пол рухнул, и все люди были сбиты в кучу. Затем он посетил колонну Мадонны на площади Испании и благословил ее и рабочих; конечно, в тот же день один из них упал с эшафота и покончил с собой" (18, 23, 25).

Домашние животные всегда считались особенно восприимчивыми к этому пагубному влиянию. Коровы особенно привлекательны в Шотландии, в то время как в Англии из всех животных свинью чаще всего 'упускают из виду'. Турок и араб одинаково относятся к своим лошадям и верблюдам; современный неаполитанский извозчик больше всего верит в огромную опасность для своей лошади, исходящую от *глазджеттаторе*.

Самым распространенным из всех древнеегипетских амулетов, за исключением скарабея, был "Глаз Осириса", как мы его называем. Эти мистические глаза носили в равной степени живые и мертвые в качестве амулетов; естественно, что изображения самого глаза, исходя из ассоциаций с гомеопатической магией, должны были считаться мощными амулетами против его пагубного влияния. Всенароды Средиземноморья использовали изображения глаз в качестве амулетов. В Сирии и Каире ожерелья из плоских стеклянных глаз продаются и по сей день, а рисунки с глазами защищают одежду, конскую сбрую и многие предметы повседневного обихода мавров (72, 211).

Плутарх заявляет, что предметы, установленные для защиты от колдовства или чар, проистекают из того факта, что они действуют благодаря странности и нелепости своих форм, которые приковывают к себе взгляд, наводящий порчу.

Именно эта твердая вера, говорит Элуорти (18, 143), привела к созданию тех чрезвычайно гротескных фигур, которые так любили древние римляне; более того, предполагалось, что все смешное или неприличное устраняет вредное влияние очарования. Амулеты, защищающие от этой силы, бывают трех классов: (1) Те, целью которых было привлечь к себе вредный взгляд (они обязательно были выставлены на обозрение).; (2) амулеты, которые носят или которые носят тайно; и (3) написанные слова Священного Писания, Корана и других священных писаний, или каббалистические фигуры и формулы (18, 149).

Полумесяц был символом многих божеств, Парвати, Деваки и других индийских богинь, Исиды, Афины или Минервы, Артемиды или Дианы и Мадонны. Артемида или Диана была покровительницей домашних животных, а также диких лесных обитателей (21, 14); отсюда мы можем проследить чрезвычайную распространенность амулетов, символизирующих их

атрибуты, на лошадях. Полумесяц — то есть рогатая луна — и рога, по-видимому, взаимозаменяемы: таким образом, рога в той или иной форме из всех предметов наиболее распространены в качестве амулетов от сглаза, будь то человека или животного; настолько, что в конце концов неаполитанцы полностью поверили, что при отсутствии рога, в коралловой или иной форме, простое произнесение слова *cornio* или *corna* ('рог') является эффективной защитой. В Италии, особенно в Неаполе, упряжь для телег буквально состоит из амулетов и профилактических средств, таких как перья, волосы, яркие ленты и особенно предметы из блестящей меди; из последних наиболее распространен полумесяц.

Было бы слишком долго описывать все предметы, которые используются для противодействия сглазу только в Италии. Можно упомянуть следующее: рыбу, змей и различных других животных, зубы тигра, ключи, горбуна (*гоббо*). Чрезвычайно распространены одиночные висающие рожки, будь то из коралла, раковины или металла, а также миниатюрные руки, у которых часто все пальцы сомкнуты, за исключением указательного и мизинца, которые полностью вытянуты. Это мощный жест, и правая рука неаполитанца почти постоянно находится в этом положении, направленная вниз, точно так же, как амулеты для рук свисают вниз в качестве профилактики от неизвестных или неожиданных атак (18, 261). Доктор Вестермарк недавно (72, 211) дал наглядное описание использования руки против сглаза в Марокко.

При изучении различных видов талисманов и оберегов сразу становится очевидным, что, хотя некоторым приписывают заразительную симпатию, другие являются миметическими или символическими, то есть гомеопатичными по своему действию, в то время как многие другие обязаны своей эффективностью близким отношениям с духовным существом того или иного вида или с божеством. Талисманы этой третьей группы следует рассматривать как **фетиши** до тех пор, пока сохраняется осознание того, что их сила зависит от этих посторонних существ; но когда эта вера утрачивается, талисман становится простым талисманом или амулетом. Переход от фетиша к **объекту, приносящему удачу**, постоянно происходит из-за деспиритуализирующего эффекта растущей цивилизации. Например, мистер Э. Ловетт первым обратил мое внимание на "**кости на удачу**", которые носят рыбаки Уитби и, вероятно, других йоркширцев, а другой друг впоследствии подтвердил тот факт, что эти кости не только приносят удачу, но и являются защитой от утопления. Поскольку речь идет о **Т-образной** подъязычной кости овцы, мистер Ловетт предположил, что эта кость может иметь какое-то отношение к молоту Тора. Позже профессор Бойд Докинз показал мне идентичную кость, которую использовали для аналогичных целей рыбаки с острова Мэн, и стоит отметить, что как в Уитби, так и на острове Мэн были скандинавские поселения. Я проинформировал герра Э. Фриделя об этих фактах и умозаключениях, и он обнаружил (22, 412), что у мужчин на берлинских скотобойнях есть похожий обычай: в конце длинной дужки кости делается отверстие для нити, которая обвязывается вокруг шеи владельца. Изучив археологические свидетельства, он обнаружил, что в раннем железном веке безошибочные изображения молота Тора носили в качестве амулетов в Дании и Шлезвиг-Гольштейне. В те далекие времена не может быть никаких сомнений в том, что влияние бога перешло в модели его оружия и что эти предметы имели характер фетишей, но позже символы бога выродились в предметы, приносящие удачу.

IV. ГАДАНИЕ

Люди не только пытаются воздействовать непосредственно на природу, но и обычно проявляют острое желание, чтобы их направляли относительно наилучшего курса действий в случае сомнений, трудностей или опасности, и чтобы их предупреждали о будущем. Практика **гадания** ни в коем случае не ограничивается профессиональными магами или даже прорицателями, но любой может использовать вспомогательные средства.

В гадании можно использовать любой предмет: так, в Европе, например, в Торресовом проливе (29, ст. 361), можно бросить палку, чтобы указать направление, в котором следует двигаться; или можно подбрасывать монеты или игральные кости. Гадание с помощью черепов было распространено в Торресовом проливе (29, ст. 362); в этом случае предполагалось, что дух умершего человека даст необходимый совет. Гаруспикация, или гадание по определенным внутренностям, широко использовалась римлянами, и я несколько раз видел, как на Борнео для той же цели использовали свиную печень (28, 336, 354). В этих случаях сообщение, на что указывает состояние конкретного органа, было получено от божества. Другие примеры и разновидности гадания приведены Тайлором (71, i. 123).

Против ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ МАГИИ

Магия может использоваться как в общественных целях, так и в личных целях. В первом случае это почти неизменно делается на благо общества, во втором - чаще всего гнусно.

А. Публичная магия.

У некоторых тотемных народов мужчины тотемной группы совершают магические церемонии на благо общества. Лучшими примерами этой **коммунальной магии**, как это можно было бы назвать, являются те, которые описаны господами Дж. Болдуин Спенсер и Гиллен (64, 179-183), практикуемые племенем арунта в Центральной Австралии на церемониях **интичиума**.

Например, вождь местной группы тотема эму и некоторые другие мужчины-эму вскрыли вену и позволили своей крови течь по участку ровной земли, пока не наполнилось около трех ярдов. На твердой поверхности свернувшейся крови священный узор тотема эму был нарисован белым, желтым, красным и черным цветами. На нем были изображены определенные части тела эму; два больших желтых пятна обозначали куски жира, которые туземцы очень любят, но большая часть с помощью кругов и круглых пятен изображала яйца в различных стадиях развития, некоторые до, некоторые после откладывания. Различные извилистые линии обозначали части кишечника. На протяжении всей церемонии к старосте относились с величайшим почтением, и никто не разговаривал с ним, кроме как шепотом. Священные деревянные плиты (*чуринга*) были помещены с одной стороны картины. В перерывах между монотонным пением староста объяснял рисунок. Трое мужчин были в головных уборах, которые изображали длинную шею и маленькую головку эму; странными скользящими движениями они приближались к зрителям, время от времени останавливаясь и двигая только головами, имитируя бесцельное разглядывание птицы.

Церемония *интичиума* (64, 170-179) проводится в специальной пещере, где лежит большая глыба кварцита, окруженная маленькими округлыми камнями. Первое представляет собой совершенное насекомое, а второе - его яйца. Староста и его помощники постукивают по большому камню и распевают песни, суть которых заключается в приглашении насекомого

отложить яйца; староста ударяет каждого человека одним из маленьких камешков, говоря: 'Вы съели много еды'. Позже они подходят к большому камню, по которому постукивают, и приглашают животное подойти со всех сторон и отложить яйца. После различных символических церемоний они входят в длинную узкую будку, сделанную из кустов, которая представляет собой куколку, из которой появляется совершенное насекомое, и там они поют о животном на различных стадиях развития и о священных камнях.

Существует множество подобных церемоний, которые мужчины тотемной группы совершают для того, чтобы увеличить или произвести свой конкретный тотем; таким образом, если брать племя в целом, целью этих церемоний является увеличение общего запаса пищи (64, 315-319). Среди арунта и илпирра только мужчинам тотема разрешается присутствовать или принимать участие в самой церемонии. Во время его прохождения всегда проводится какая-нибудь церемония, например, когда кровь молодых людей тотема оmyвается камнем, который ассоциируется с предками тотема. Идея этого состоит в том, чтобы отправить духов животных из камня, чтобы пополнить запас тотемного животного. После церемонии, когда, как следствие, животное или растение становится в изобилии, мужчины всех классов и тотемов выходят и приносят припасы в главный лагерь. Пока никто не может его есть. Глава тотема в присутствии всех в лагере торжественно съедает немного, а остальное раздает мужчинам других тотемов, говоря им, чтобы они ели свободно. Если вождь немного не поест, он теряет способность успешно выполнять *интичиуму*.

У других племен к северу существуют аналогичные церемонии, но они менее сложны и иногда имеют самое простое описание. Глава тотемной группы белого какаду и его сын провели всю ночь, "распевая" какаду. В племени Вара на берегу залива Карпентария мужчина из группы дождя подходит к пруду и, следя за тем, чтобы поблизости не было женщин или незнакомцев, наклоняется и 'пьет' воду; затем он набирает немного в руки, пьет и выплевывает в разные стороны. После этого он обливает себя водой и, разбрызгав немного вокруг, спокойно возвращается в свой лагерь, и предполагается, что последует дождь (64, 314). Существует очень небольшая разница между этим действием и обычной индивидуальной магией, существенное различие заключается в том, что мужчина в данном случае вызывает дождь благодаря тому, что дождь является его тотемом, а увеличение своего тотема является функцией мужчин-членов тотемной группы.

Когда тотемическая система приходит в упадок, по-видимому, наблюдается тенденция к тому, что старые магические церемонии, имевшие целью увеличение тотема, совершаются определенными семьями, а не группами мужчин; по-видимому, это связано с ростом собственности на землю, так что со временем совершение определенных церемоний ограничивается одним человеком, который передает право своему сыну, и только они из общины несут эту обязанность. Нет ничего, что отличало бы людей, обладающих этими правами, от обычных магов, практикующих определенные разделы магии.

Очень большое количество примеров публичных магических церемоний, проводимых на благо общества, были собраны доктором Фрейзером в его книге "*Золотая ветвь*"; особый интерес представляют те, которые связаны с получением обильного урожая, и активное участие женщин в таких обычаях очень важно. Здесь я привожу пример, недавно опубликованный мисс Мэри Оуэн (56, 60). Танец посадки кукурузы индейцев мускуаки или фокс проводится в апреле, хотя

настоящая посадка кукурузы начинается примерно 1 мая. Его танцуют только мужчины; на восходе солнца они бегут трусой вдоль восточной стороны кукурузного поля, выбранного шаманом, двигаясь гуськом со своими погремушками и маленькими бубнами или молитвенными барабанчиками, в то время как молодая девушка отправляется в поле и сажает несколько зерен из прекрасного колоса, врученного ей Почетными Женщинами (женщинами, родившими сыновей). Если урожай предыдущего года был скудным, танцоры могут полностью обойти поле. После этого немного еды и питья, но без изысканного пиршества. Раньше настоящая засевка поля следовала за церемонией, и никакой еды не было принято до тех пор, пока женщины не закончили сажать. Другим старым обычаем было, чтобы служанке, которая занималась посадкой, давали мужа, который ходил с ней в поле. Позже пророку было откровение, что этот обычай должен прекратиться. В настоящее время этот день является излюбленным для проведения свадеб.

Б. Частная магия.

Люди часто практикуют магию в личных целях, цели, которых необходимо достичь, могут быть совершенно законными или даже достойными похвалы, но чаще приходится прибегать к магическим практикам во вредных целях.

Народные средства от болезней и болей очень часто носят чисто магический характер. Например, обычное средство от бородавок - натереть их куском сырого мяса, которое затем нужно закопать; по мере того, как мясо разлагается, бородавки исчезнут: чтобы быть эффективным, мясо нужно украсть. Женщину в Айлее вылечил от зубной боли мужчина, вбивший гвоздь в верхнюю перекладину кухонной двери; он сказал ей держать его там и, если он в любой момент расшатается, слегка постукивать по нему молотком, пока он не закрепится, и заверил ее, что зубная боль у нее пройдет. Она больше никогда не страдала от зубной боли (49, 158).

Любая разновидность или комбинация разновидностей симпатической магии может быть использована при изготовлении или практике **любовных чар**; часто они усиливаются тонкой ассоциацией запаха. Несомненно, определенные ароматы оказывают прямое стимулирующее действие, но, помимо этого, если молодые люди определенно будут пользоваться какими-либо духами, желающими привлечь девушек, не может быть никаких сомнений в том, что внушение будет иметь тенденцию сильно действовать на последних, и что 'женское лекарство', как я слышал, как его называют, само по себе было бы действенным, даже если бы не применялись другие методы. Житель острова Торресов пролив рассказал мне, что точно так же, как змея, сидящая на одном дереве, может, проглотив свою слюну, заставить птицу, сидящую на другом дереве, подлететь к ней, так и если мужчина жуеет определенное лекарство, а девушка видит, как он глотает настой со слюной, она понимает, что имеет в виду этот мужчина, и вынуждена пойти к нему (29, ст. 328).

Различные примеры **нечестивой магии** были приведены на предыдущих страницах. Хороший пример был получен в результате моих собственных наблюдений. В Торресовом проливе есть растение, похожее на виноградную лозу, которое в определенное время года сбрасывает листья, а стебель распадается на суставы, которые часто имеют поразительное сходство с некоторыми длинными костями человеческого скелета. Это обстоятельство побудило магов использовать эти палочки для превращения людей в подобные высохшие и сморщенные предметы. Были собраны сухие сегменты виноградной лозы, и фокусник дал название какой-

либо части тела каждому суставу: например, один будет называться 'рука', другой - "нога" и так далее. Фокусник присел, как рыба-орел, и, подражая тому, как птица отрывает плоть от костей, бросил кусочки себе за спину, не оглядываясь. Если бы он покинул это место, не обернувшись, чтобы посмотреть на палочки, пациент умер бы; но если бы он не хотел доводить дело до такой крайности, он поворачивался и смотрел на сегменты, а затем возвращался, поднимал их, складывал вместе и смазывал "лекарством", и пациент выздоравливал (29, ст. 325).

Следующий отчет, недавно опубликованный миссис Дж. Ганн (26, 98), настолько характерен, что я привожу его почти дословно. В Северной Австралии любой может 'спеть волшебство', даже любры [женщины], но, конечно, лучше всего это удастся старым мудрым волшебникам. У них это никогда не подводит, особенно если они 'поют' и указывают на одну из особых 'костей смерти' или 'священных камней' племени. Обычно чернокожий парень уходит совершенно один, когда он "поет магию", но очень редко несколько человек объединяются, как это было в случае с 'Выпученным глазом'. Когда в кость 'пропето' достаточно магии, ее уносят в лагерь и очень тайно направляют на жертву, находящуюся без сознания. Волшебный дух кости проникает в человека, на которого указывают, и постепенно убивает его. Конечно, человеку, которому 'спели', нужно как-то сказать, иначе он не испугается и не умрет. Есть много способов справиться с этим; один из очень хороших способов - положить кость туда, где он обязательно ее найдет, в свою дорожную сумку, или возле своего костра, или в рукоятку своего копья; но человек, оставляющий кость повсюду, должен, конечно, быть очень осторожен, чтобы уничтожить собственные следы. 'Выпученный глаз', после того как он нашел валяющиеся повсюду кости, точно знал, что с ним должно было случиться, и, конечно же, так и произошло. У него сильно заболело горло, и он так исхудал и ослаб, что едва мог стоять. Человека можно вылечить с помощью волшебников, которые снова заговаривают "кость"; но "Выпученный глаз" был стар, и, что еще хуже, он становился очень сердитым и слишком любил командовать людьми, поэтому чернокожие парни решили, что лучше всего будет не лечить его, и еще несколько человек прокрались в кусты и 'пропели' еще несколько костей, и указали ими на него, чтобы убедиться, что он умирает. Бедный старый 'Выпученный Глаз' ужасно страдал; ни один туземец не хотел помогать ему, кроме его кровного брата, потому что они боялись, что на них обрушится проклятие. Некоторые сказали, что хотели бы помочь, но что, если они разведут для него костер "Выпученного глаза", их собственный никогда больше не загорится. Никто не мог даже отнести ему еду. Вскоре после этого, во время "птичьего пения", или петушиного крика, он умер.

VI. ВОЛШЕБНИКИ

Большинство форм магии может быть выполнено любым человеком при условии, что он знает, что делать; но есть специалисты в области магии, которых мы по-разному называем знахарями - мужчины, маги, колдуньи, волшебницы, ведьмы, мудрые женщины и тому подобное. Их знания передаются устно их ученикам, которые могут быть, а могут и не быть их собственными детьми. Магические силы могут быть обусловлены простой случайностью рождения, как, например, в европейской вере в терапевтические способности седьмого сына седьмого сына. В некоторых случаях маг должен пройти строгую подготовку, часто подвергаясь болезненным или отвратительным испытаниям; с помощью этих средств слабаки устраняются, а те, кто упорствует, укрепляют свой характер и силу духа, и они завоевывают все большее уважение со

стороны своих собратьев. Далее, в Австралии и других странах знахарь не всегда является "доктором"; он может быть "вызывателем дождя", "провидцем" или "духом-медиумом", или может практиковать какую-то особую форму магии.

Обычно маги объединяются, чтобы сформировать общество, которое может достичь большого влияния среди отсталых рас. Согласно Лиланду (43, 10), "на самом деле в Тоскане существует культура или поклонение фетишам, которые не являются католическими, *то есть* странным камням и множеству любопытных реликвий. Но во всем этом культе соблюдается очень много таинственности. В нем есть свои профессора; мужчины, но в основном женщины, которые собирают амулеты и заклинания, обучают им друг друга и проводят собрания; то есть существует своего рода колледж ведьм и волшебников, который по многим веским причинам ускользает от наблюдения.' Старая вера, как ее называют, является дохристианской, но не активно антихристианской.

VII. ПСИХОЛОГИЯ МАГИЧЕСКИХ ПРАКТИК

Поверхностный наблюдатель склонен считать знахарей или колдунов мошенниками, которые намеренно обманывают своих соседей; но вполне вероятно, что большинство из них действительно верят, что обладают оккультной или сверхъестественной силой. Несомненно, они делают многое просто для эффекта, для того, чтобы усилить уважение, которое они желают, чтобы оказали лично себе, а также для того, чтобы привести подданных или зрителей в надлежащее расположение духа; но это именно то, что намеренно делается организаторами всех церемоний у всех народов. Несомненно также, что совершается много действий, направленных на то, чтобы вызвать доверчивость других; но это прием, который не является чем-то неизвестным среди культурных людей, как, например, разжижение крови святого Януария в Неаполе. Однако остается большое количество явлений, которые для них столь же загадочны, как и для подавляющего большинства человечества, и многие из них привлекают внимание психологов наших дней, но их значение остается непонятым. Г-н Подмор (55, 373) не боится сказать, что "многие из предполагаемых чудес колдовства и древней магии в целом, если отделить их от наслоений, сформированных вокруг них популярными мифами и суевериями, представляют заметное сходство с некоторыми фактами, описанными" в его книге.

Психическое равновесие многих отсталых народов очень неустойчиво, хотя они могут и не страдать теми расстройствами нервной системы, которые поражают более высокоразвитые народы. Чтобы привести пару примеров такой **нервной нестабильности**, Кастрен давно заметил, что если самоеды вечером сидели в своих кожаных палатках, а кто-нибудь подкрадывался и бил по палатке, у половины из них, вероятно, начинались каталептические припадки. Богорас (5, 42) ссылается на хорошо известную арктическую истерию, которая так широко распространена среди юкагирских и ламутских женщин, и в меньшей степени среди чукчей, русифицированных и даже русских женщин. Это заболевание развивается главным образом в форме неконтролируемого желания повторять громким голосом каждое слово, произнесенное кем-то другим, и подражать каждому внезапному жесту или действию. Это такое же нервное расстройство, как широко распространенная *латах* в Малайзии, которая была так превосходно описана сэром Ф. А. Светтенхэмом (68, 64).

Далеко идущая сила **внушения** была, пожалуй, самым мощным фактором в поддержании магических практик, особенно когда она **сочетается с гипнозом**. Следует помнить, что гипнотическое состояние, хотя обычно и вызывается кем-то другим, может быть самоиндуцировано пристальным взглядом на объект. В настоящее время известно подавляющее число случаев, когда вредные привычки, различные заболевания, воспаления, местная и общая боль, бессонница, неврастения, психический паралич и психическая истерия излечивались внушением, пока пациент находился в гипнотическом состоянии (31, 607). И наоборот, боль, воспаления и другие органические изменения могут быть вызваны теми же средствами; таково объяснение появления стигматов на руках и ногах религиозных экстаиков, которые вызывали самовнушение, пристально глядя на Фигуру на Кресте. Каталептические и анестезирующие состояния, вызываемые гипнозом, хорошо известны во всем мире и на протяжении веков были частью торговли колдунов, знахарей или определенных религиозных энтузиастов.

Одно только внушение, без помощи гипноза, может творить чудеса, а лечение верой и христианская наука ни в коем случае не являются чем-то новым под солнцем, а чем-то очень старым под новыми названиями. Вероятно, каждому врачу были известны случаи "смерти людей, которые не хотели жить или, по крайней мере, были безразличны; и, вероятно, такое же количество людей, которые существенно продлили свою жизнь благодаря простой решимости не умирать" (67, 612).

"Психология вопроса, - пишет Маретт (51, 143), - до определенного момента достаточно проста. Точно так же, как дикарь - хороший актер, отдающийся, как ребенок, своей пантомиме, так и он - хороший зритель, проникающийся духом чужой игры, в этом снова уподобляясь ребенку, которого может напугать до припадка рев того, кого он считает всего лишь "притворным" львом. Даже если **притворство** более или менее кажется жертве притворством, оно едва ли менее эффективно; поскольку, доминируя, как это обычно бывает, в поле внимания, оно напрягает эмоциональную систему и, пользуясь относительным бездействием разумной мысли и воли, приводит в движение всевозможные глубоко лежащие импульсы и автоматизмы".

У всех народов существуют запреты определенного рода, и большинство из них твердо убеждены, что в случае нарушения этих **табу** нарушителя постигнут ужасные последствия. Иногда наказание осуществляется общественной исполнительной властью, через представителей тайных обществ или другими средствами; но обычно оно остается, так сказать, в руках оскорбленных духовных сил, и эта вера настолько сильна, что наводит ужас на собственную странность. Например, отец Меролла (54, xvi. 238) рассказывает о молодом негре из Конго, который, находясь в путешествии, остановился в доме друга; последний получил на завтрак дикую курицу, и молодой человек спросил, дикая ли это курица. Его хозяин ответил 'Нет'. Затем он сердечно взялся за дело, а затем продолжил свой путь. Через четыре года эти двое снова встретились, и его старый друг спросил его, "Не съест ли он дикую курицу", на что он ответил, что для него это табу. На это хозяин тут же начал смеяться, спрашивая его: "Что заставило его отказаться от этого сейчас, когда он съел одно из них за своим столом около четырех лет назад?" Услышав об этом, негр немедленно затрясся и до такой степени поддался воздействию воображения, что умер менее чем через двадцать четыре часа после этого.' Армит (2, 459) рассказывает, что австралиец умер от испуга в течение двух недель после того, как обнаружил, что его больная жена лежит на его одеяле. Нигде табу не обладает такой силой, как

уполинезийцев. И примеры его способности самореализовываться в Героическую эпоху Ирландии уже приводились (стр. 29).

Поэтому неудивительно, что вера в магические силы колдунов может вызывать те же эффекты. Господа. Спенсер и Гиллен (64, 537) утверждают, что австралийские аборигены верят, что любая кость, палка, копье и т.д., Которые были "спеты", предположительно наделены тем, что местные жители называют *Arungquiltha*, то есть магическими ядовитыми свойствами, и любой абориген, который верит, что его поразили, скажем, заговоренным копьем, почти наверняка умрет, независимо от того, будет ли рана легкой или тяжелой, если его не спасет встречная магия знахаря. Он просто ложится, отказывается от еды и чахнет. Приводятся реальные примеры, когда люди с легкими ранениями умирали через несколько дней из-за этой веры.

Не может быть никаких сомнений в том, что магические практики могут действовать посредством **внушения** через **страх** и **очарование** на человеческие жертвы, которые осознают их наличие, и вполне вероятно, что в большинстве случаев жертва осведомлена о таких практиках, как в примере, приведенном на стр. 49. Также есть все основания полагать, что все отсталые народы, включая самих колдунов, верят в силу магии. Казалис (10, 275) приводит поучительный пример в этой связи. Вождь басуто однажды высказался в его присутствии по поводу колдовства: 'Колдовство существует только в устах тех, кто говорит о нем. Во власти человека убить ближнего одним лишь усилием воли не больше, чем воскресить его из мертвых. Таково мое мнение. Тем не менее, вы, маги, которые слышите, как я говорю, проявляйте умеренность'.

Вероятно, более широко, чем принято считать, распространена вера некоторых отсталых народов, а следовательно, и их магов, в духовную силу, которая исполняет их желания; такую, например, как **мана** меланезийцев. "Меланезийский разум, - пишет доктор Кодрингтон (12, 118), - полностью одержим верой в сверхъестественную силу или влияние, почти повсеместно называемую *маной*. Это то, что воздействует на все, что находится за пределами обычных человеческих возможностей, за пределами обычных процессов природы; оно присутствует в атмосфере жизни, присуще людям и вещам и проявляется в результатах, которые могут быть приписаны только его действию. Получив его, человек может использовать его и направлять, но его сила может проявиться в какой-то новой точке; ее наличие подтверждается доказательствами. Человек случайно натывается на камень, который ему приглянулся; его форма необычна, он на что-то похож, это определенно не обычный камень, в нем должна быть *мана*. Итак, он спорит сам с собой и доказывает это; он кладет его у корня дерева, на плод которого он имеет определенное сходство, или он закапывает его в землю, когда сажает сад; обильный урожай на дереве или в саду показывает, что он прав, камень - это *мана*, в нем есть эта сила. Обладая такой силой, он является средством передачи *маны* другим камням. Точно так же определенные формы слов, обычно в форме песни, обладают силой для определенных целей; очарование слов называется *маной*. Но эта сила, хотя и сама по себе безличная, всегда связана с каким-то человеком, который ею управляет; она есть у всех духов, как правило, у призраков, у некоторых людей. Если обнаруживается, что камень обладает сверхъестественной силой, то это потому, что с ним связался дух. Кость мертвеца содержит в себе *ману*, потому что призрак находится с костью; человек может иметь настолько тесную связь с духом или привидением, что у него самого тоже есть *мана*, и он может направить ее так, чтобы добиться желаемого. Любой заметный успех является доказательством того, что у человека есть *мана*; его влияние зависит от впечатления, производимого на умы людей тем, что он ею обладает. "Если

человек добился успеха в бою, то это не благодаря его собственным качествам, но "у него определенно есть *мана* какого-нибудь умершего воина, придающая ему сил, передаваемая в каменном амулете на шее, или в пучке листьев на поясе, в зубе, висящем на пальце его руки, с луком, или в форме слов, с помощью которых он приносит сверхъестественную помощь". на его сторону.

Жители Омахи (19) верят, что собственная воля человека может воздействовать непосредственно на его собратьев, исполняя определенные песни; этот акт называется *ваджин-дхедхе*, то есть "направлять энергию, посылать"; термин омахи "означает посылать свои мысли и **силу воли** другому, чтобы дополнить его силу и тем самым повлиять на его действия", или, как мы должны это называть, **телепатию**. Обращаясь к *Ваканде* (то есть "имманентной жизни, проявляющейся во всех вещах", или "скрытой и таинственной силе, которая приводит к свершению") в ритуале видения, силы человека могут быть дополнены сотрудничеством стихий и животных.

Врожденная духовность дикаря, по-видимому, в значительной степени игнорируется исследователями, которые обычно называют мага сознательным обманщиком и надувалой, тогда как, по-видимому, правильнее рассматривать его как имеющего дело с материальными объектами, в основном наделенными жизнью (**анимизм**; 50, 171), или как носители духовной или сверхъестественной силы, и с помощью таких объектов или обрывков речи он может эффективно проявлять свою волю.

Если тогда, как указывает м-р Маретт (51, 150), оккультная проективность магического акта естественно и почти неизбежно интерпретируется как усилие воли, которое каким-то образом находит путь к другой воле и доминирует над ней, заклинание или произнесенное 'должно' будет иметь тенденцию воплощать саму жизнь и душу дела. Ничто так остро не проникает в сознание другого человека. Это тот самый тип духовного снаряда.

Во многих примерах магических процедур кажется, что маг воздействует непосредственно на природу и стремится усилить действие своей воли силой произносимого слова или заклинания. В других случаях он получает силу от энергии, получаемой от чего-то внешнего по отношению к нему; например, сибирский шаман может быть одержим духом, или маг может даже быть одержим богом. Таким образом, незаметными этапами мы приходим к действиям, которые лучше всего можно описать как религиозные или теургические, чем как магические. Многочисленные примеры переходных стадий приведены г-ном У. У. Китом (63). Вдохновленный богом маг может стать настоящим божеством, поскольку многие королевские маги, особенно вызывающие дождь, считаются, как недавно указал доктор Фрейзер, воплощенными богами в Африке и других местах (21). Одновременно с идеями персонификации и постепенного обожествления **заклинание перерастает в молитву**. С другой стороны, власть над божествами может быть получена с помощью практик, которые по своей сути являются магическими, как, например, произнесение невыразимого имени или заклинаний, и в то же время они могут быть связаны с молитвой, или сама молитва может выродиться в заклинание.

Как бы там ни было с людьми, немногие представители культуры признают, что маги могут воздействовать на обычные явления природы, и в этом отношении, во всяком случае, они вскоре должны быть дискредитированы. Однажды на острове Мюррей в Торресовом проливе местный житель показал мне два камня в углублении на берегу, на которые указывали люди, державшие в руках какие-то листья, которые были там оставлены. Немедленно поднимался

‘сильный ветер’, который продолжался до тех пор, пока растения не были убраны. Это *zogo* использовался только в сезон юго-восточного пассата. На мой вопрос, проводилась ли церемония во время Северо-западного муссона, мой информатор решительно ответил: ‘На северо-западе это невозможно’. То есть заклинание выполняется только в то время года, когда возможен требуемый результат — фактически, когда это обычное явление (28, 60; 29, vi.) В этом, как и в других случаях, я обнаружил, что **невозможное никогда не предпринималось**. Заклинание дождя не было бы сделано, если бы не ожидалось приближения дождя, или если бы поднялся юго-восточный ветер в неподходящее время года. Вероятно, это опыт других людей в других местах, и поэтому нет ничего удивительного в том, что желаемый результат часто следует за исполнением обаяния.

На случай неудачи, как правило, предусматривается **лазейка**. Либо при исполнении заклинания произошла какая-то неправильность или ошибка, либо другой колдун творил противоположную магию, которая оказалась более действенной.

ФЕТИШИЗМ

I. ОПРЕДЕЛЕНИЕ

В последнее время словом фетишизм так злоупотребляют, что этнологи склонны относиться к нему косо и не решаются использовать его в религиозных классификациях. Он был растянут до такой степени в различных направлениях, что утратил определение и точность, необходимые для научного термина. Начав со скромного происхождения, ссылаясь на своей родине (Португалия) на амулеты, которые носили "на удачу", и на мощи святых, 'фетиш' вырос до таких удивительных размеров при пересадке на западноафриканскую почву, что, наконец, не осталось ничего, связанного с западноафриканской религией, к чему бы он не применялся. Де Броссес ввел фетишизм как общий описательный термин (8), предполагая, что это слово связано *сизбранной феей, фатумом*. Конт[1] использовал его для описания универсальной религиозной тенденции, которой доктор Тайлор дал название анимизм (71, главы xi.-xvii.). Бастхольм утверждал, что "все, созданное природой или искусством, получает божественное почитание, включая солнце, луну, землю, воздух, огонь, воду, с реками, деревьями, камни, изображения и животные, рассматриваемые как объекты божественного поклонения, как фетишизм; [2] а Липперт (46) определяет фетишизм как "веру в души усопших, которые вселяются в любую материальную или видимую вещь на небесах или земле".

Хотя мисс Кингсли (39, 139) выражает сожаление по поводу того, что слово "фетиш" "становится очень вольно используемым в Англии", она едва ли помогает продвигать работу по различению и упорядочиванию, когда несколькими строками дальше она объявляет: "Когда я говорю "фетиш", или "Джу-джу", я имею в виду религию аборигенов Западной Африки". Впоследствии она вышла за рамки своего собственного определения, описав тайные общества как "чистый фетиш" (41, 139), хотя они "по сути не религиозные", а "в основном судебные".

Преподобный Р. Х. Нассау увековечивает это расплывчатое употребление слова, объединяя под названием фетишизм все местные обычаи, даже отдаленно связанные, как и все в Западной

Африке, с религиозными или магическими верованиями, пока восклицание, произносимое при чихании или спотыкании, не получает звучного названия "фетишистская молитва" (53, 97).

Эти "обобщения" вызывают тем большее сожаление, что мисс Кингсли и преподобный Р. Х. Нассау являются одними из главных авторитетов по западноафриканскому фетишизму в его наиболее характерных формах, и четкое определение употребления этого слова со строгим соблюдением его надлежащего значения оказало бы большую услугу в предотвращении многих неправильных представлений.

Значение любого слова зависит от его определения, и оно может быть определено тремя способами: 1. этимологически; 2. исторически; 3. догматически.

1. Слово фетиш происходит через португальское *feitiço* от латинского *facticius*—*facere* = делать. Это показывает первоначальную концепцию, лежащую в корне этого слова.

2. Историческое определение показывает рост или эволюцию значения слова, начиная с его первоначальной концепции. Доктор Тайлор указал, как магия присвоила себе производные от "делать", такие как *feitiço* в португальском, *fattura* в итальянском, *faiture* в старофранцузском и многие другие, утверждая, таким образом, что она "делает" *по преимуществу* (70, 135). Эта тенденция заметна уже даже в классические времена ("*potens et factiosus*", "обладающий властью и влиянием", Ауст. *Her.* 2, 26, 40) и хорошо отмечена у Плавта, который использует различные производные от *facere* для обозначения "могущественный" или "влиятельный", особенно применительно к влиянию, обусловленному семейными связями или богатством (*factiones*, *Aul.* II. i. 45; *factiosus*, *ib.* II. ii. 50; *factio*, *Cist.* II. i. 17 и т.д.). Из этого значения **могущественный политически**, более поздняя латынь развила значение **могущественный магически**, как видно из *facturari*, чтобы околдовать, *factura*, колдовство, от которого последнее произошло от старофранцузского *faiture*, колдовство, и, возможно, от нашего жаргонного слова "подделка". **Фетиш** как производное от пассивной формы *facticius*, означающей "созданный искусством", искусственный, вероятно, сначала применялся к изображениям, идолам или амулетам, изготовленным вручную, а позже включал **все объекты, обладающие магической силой**, т.е. заколдованные или "подделанные".[3]

3. Догматическое определение слова - это значение, придаваемое ему авторитетными лицами.

Фетишизм определяется как "поклонение неодушевленным предметам", поклонение колодкам и камням, "религиозное поклонение материальным объектам" (61, 61), "материальным и неодушевленным объектам, которым поклоняются только для них самих" (15, 196), а фетиш определяется как "отличающийся от идола тем, что ему поклоняются по его собственному характеру, а не как символу, изображению или случайному месту жительства божества" (*New English Dictionary*, Оксфорд, Clarendon Press, 1901).

Рассказ Босмана об уроженце Фиды (54, xvi. 493) часто цитируется как классический пример фетишизма:

‘ Однажды я спросил негра, с кем могу разговаривать очень свободно ... как они совершали свое богослужение и сколько у них было богов; он, смеясь, ответил, что я озадачил его; и заверил меня, что никто во всей стране не может дать мне точного отчета об этом. “Ибо, что касается меня лично, то у меня очень много богов, и я не сомневаюсь, что у других их столько же”. “Для любого из нас, решившегося предпринять что-либо важное, мы прежде всего ищем

бога, способного преуспеть в задуманном нами предприятии; и, выходя с замыслом на улицу, берем для нашего бога первое попавшееся на глаза существо, будь то собака, кошка или самое презренное существо в мире: или, возможно, вместо этого любое неодушевленное, которое попадется нам на пути, будь то камень, кусок дерева или что-либо еще той же природы. Этому новоизбранному богу немедленно преподносится подношение, которое сопровождается торжественной клятвой, что, если ему будет угодно способствовать успеху наших начинаний, в будущем мы всегда будем поклоняться и уважать его как бога. Если наш замысел окажется успешным, мы откроем нового и помогающего бога, которому ежедневно преподносятся свежие подношения; но если произойдет обратное, новый бог будет отвергнут как бесполезный инструмент и, следовательно, вернется в свое первобытное состояние". "Мы ежедневно создаем и ломаем наших богов и, следовательно, являемся хозяевами и изобретателями того, чему приносим жертвы".

Босман продолжает говорить:—

"Мне было очень приятно слышать, как негр рассуждает подобным образом о богах своей страны; но, побеседовав с ним некоторое время, я заметил, что он высмеивает богов своей страны, потому что, прожив среди французов, чей язык он в совершенстве понимал и на котором говорил, он среди них усвоил принципы христианской религии и несколько приблизился к справедливому представлению об истинном Боге и о том, как ему следует поклоняться, ... а потому он больше не интересовался богами страны, кроме как ради спокойствия или чтобы облегчить жизнь своим друзьям".

Скептик вряд ли станет с сочувствием отзываться о религии, которую он отверг, и "Негр Босмана" не является исключением из правил. Он описывает внешний, осязаемый аспект фетишизма, но игнорирует его духовную интерпретацию, и приведенные выше догматические определения следуют тем же путем ошибки.

Фетишизм и фетишистки, как они определены таким образом, не существуют, за исключением "неполных наблюдений"; их определенно нигде не найти в Западной Африке, типичной стране фетишизма.

"Каждый туземец, с которым я беседовал на эту тему, - пишет Эллис, - смеялся над возможностью предположения, что он мог поклоняться или приносить жертвы такому объекту, как камень, который сам по себе, для его органов чувств было бы совершенно очевидно, был только камнем и ничем более" (15, 192). Таким образом, считалось, что маори *вакапако* обладают добродетелью или особой святостью только благодаря присутствию бога, которого они представляли, когда наряжались для поклонения; в другое время на них смотрели только как на куски обычного дерева (69, 212), и Бринтон утверждает, что "нигде в мире человек никогда не поклонялся палке или камню как таковым" (6, 131).

Все рассмотренные случаи фетишизма показывают, что поклонение воздается неосязаемой силе или духу, воплощенному в какой-либо видимой форме, и что фетиш является всего лишь связующим звеном между верующим и объектом его поклонения. Поэтому любое определение, которое не учитывает духовную силу, стоящую за материальным объектом, считается неполным и поверхностным, поскольку оно игнорирует основную концепцию поклонения.

Доктор Тайлор расширяет значение этого слова, классифицируя фетишизм как подчиненный раздел анимизма и определяя его как доктрину о духах, воплощенных в определенных материальных объектах или передающих влияние через них. Он включает в это поклонение колодам и камням, "и отсюда оно незаметно переходит в идолопоклонство" (71, ii. 144).

Именно эти незаметные градации размывают все очертания жесткого систематика и делают невозможной исключительную классификацию. Обнадеживает размышление о том, что эксклюзивные классификации науке почти неизвестны, а там, где они встречаются, обычно возникают из-за невежества, ожидая большего знания или дальнейших исследований, чтобы обеспечить промежуточные звенья, которые повсюду смешивают класс с классом, вид с видом. Но когда группа изучается в области ее характеристики, на первый план выступают определенные черты, и путем их изучения могут быть определены существенные характеристики всего класса.

II. СУЩЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ ФЕТИШИЗМА

Характерными чертами фетишизма, и в частности западноафриканского фетишизма, являются следующие:—

Фетиш может состоять из любого предмета вообще, но выбранный объект, как правило, является либо прекрасным украшением, либо диковинкой, символическим оберегом с симпатическими свойствами, либо знаком или жетоном, представляющим идеальное понятие или существо. Ему приписывают таинственную силу, поскольку он является, временно или постоянно, сосудом или жилищем, средством связи или инструментом какой-то невидимой силы или духа, который, как считается, обладает личностью и волей, а также способностью видеть, слышать, понимать и действовать. Он может действовать по воле или силе своей собственной силы или духа, или по силе иностранной силы, входящей в него или действующей на него извне, и материальный объект и сила или дух могут быть разделены. Ему поклоняются, ему молятся, ему приносят жертвы, с ним разговаривают, его гладят или жестоко обращаются в связи с его прошлым или будущим поведением. В своей наиболее характерной форме фетиш должен быть освящен священником.

1. Фетишем может быть любой объект вообще, но всегда есть причина для его выбора.

Самая простая причина в том, **что это привлекает внимание** (61, 61) (71, ii. 145), а все, что привлекает внимание, сразу приобретает преувеличенную ценность и апеллирует к естественному инстинкту человеческой природы, присущему также некоторым птицам и животным, - любви к коллекционированию.

"В любви к необычным диковинкам проявляется тяга к чудесному, стремление освободиться от утомительного чувства законности и единообразия в природе" (71, ii. 145).

Итак, фетиш состоит из камня причудливой формы, яркой бусины, палки, попугайных перьев, корня, когтя, семени, кости или любого любопытного или бросающегося в глаза предмета.

В Бенине все, что кажется необычным в природе, принимают за бога и делают ему подношения, и каждый сам себе жрец, чтобы поклоняться своим богам так, как ему больше нравится (54, xvi. 530).

Или объект мог привлечь внимание своим поведением.

Посетитель фетишистской хижины взял в руки камень размером с куриное яйцо, и его владелец рассказал его историю. ' Однажды он собирался по важному делу, но, переступая порог, наступил на этот камень и ушибся. На, ha! подумал он: "ты здесь?" Поэтому он взял камень, и он помогал ему в его начинании в течение нескольких дней" (71, ii. 158).

Иногда объект, подлежащий выбору, открывается мужчине во сне, как у туземцев Золотого Берега, когда умерший родственник возвращается, чтобы указать мужчине пойти в определенное место и там выбрать определенный камень или обломок дерева, которые он должен принести с собой домой, охранять и почитать как жилище божества-покровителя (15, 90).....

Это связывает фетиш с духами-хранителями североамериканских индейцев, которые являются молодым мужчинам во снах или видениях после молитвы и поста. Видение обычно принимает форму какого-либо осязаемого объекта, часто животного, часть которого сохраняется человеком как его самое драгоценное достояние, а если нет, то принимается какая-то конкретная форма, представляющая предмет видения. Дух-хранитель отличается, однако, от фетиша тем, что это пожизненное владение, некоторые люди не имеют привилегии получить его, и ни один человек не может обладать более чем одним; в то время как любой человек может получить фетиш и может отказаться от одного и принять другой, если он окажется бесполезным.

2. Он состоит из **символического талисмана с симпатическими свойствами**. "Существует связь между выбранными веществами и объектом, который должен быть получен: наделить владельца храбростью или силой, какой-то частью леопарда или слона; наделить хитростью, какой-то частью газели; наделить мудростью, какой-то частью человеческого мозга; наделить храбростью, какой-то частью сердца; наделить влиянием, какой-то частью глаза' и т.д. и т.п. "Предполагается, что эти вещества привлекают какого-то духа (будучи ему каким-то образом приятными), который отныне удовлетворен пребыванием в них и помогает владельцу в исполнении какого-то конкретного желания" (53, 82).

Для удобства ношения эти вещества кладут в раковины улиток, скорлупу орехов или маленькие рожки газелей или коз, и все это вместе образует фетиш.

Босман описывает способ изготовления фетиша, состоящего из трубки, наполненной различными веществами, на побережье Гвинеи в 1705 году.

"У них есть большая деревянная трубка, наполненная землей, маслом, кровью, костями мертвых людей и животных, перьями, волосами и, короче говоря, всевозможными экскрементами и грязным мусором, которому они не пытаются придать какую-либо форму, а складывают его беспорядочной кучей в трубке" (54, xvi. 398).

'Человеческие глазные яблоки, особенно у белых мужчин, обладают большим очарованием. Я полагаю, это делается для того, чтобы привлечь человека, "который живет в ваших глазах", на службу деревне" (40, 305).

Иногда существует осязаемая связь между объектом, выбранным в качестве фетиша, и духом, населяющим его. Так, среди туземцев Золотого Берега предмет, в который вселяется подчиненный дух Сасабонсума, должен быть взят из среды обитания Сасабонсума, то есть из

места, отмеченного красной землей, где красная земля отмечает кровь жертвы Сасабонсума (15, 109).

3. Оно может состоять из **знака или жетона, представляющего идеальное понятие или существо**, и здесь трудно провести какое-либо различие между фетишизмом и идолопоклонством, "поскольку небольшая линия и несколько цветных полос могут превратить фетиш в идола" (61, 77). Конечно, низшие формы идолопоклонства представляют аспект фетишизма, но истинный фетиш не имеет формы, подобной духу, который он олицетворяет, и истинный идол - это всего лишь символ, а не сосуд, средство передвижения или инструмент божества. В то же время изображению можно поклоняться как фетишу и рассматривать его как материальное тело, предоставленное духу; или фетиш, рассматриваемый просто как символ или представитель духа, по-видимому, развивает самую раннюю форму идолопоклонства (71, ii. 169). Различие заключается в умонастроении, в котором поклоняются объектам, и никакая объективная дифференциация невозможна, поскольку объект будет фетишем для одного поклоняющегося и чистым символом духа для другого.

Поклонение камню часто является чистым фетишизмом, поскольку камень рассматривается как осязаемый знак духа или силы, которым адресовано поклонение. Но это выходит за рамки фетишизма, если считается, что общий дух или бог сообщества, которому поклоняются в виде камня, также одушевляет другие объекты. Оживляющая сила фетиша должна быть индивидуальной и не может оживлять более одного объекта одновременно. Когда духи чар *сухмана* (15, 99) считаются индивидуальными духами, зависящими от Сасабонсум, они являются фетишами; если бы предполагалось, что дух Сасабонсум оживляет все чары *сухмана*, их нельзя было бы правильно называть фетишами.

4. Фетишу **приписывают таинственную силу, поскольку он является жилищем, временным или постоянным, духовного существа**.

Это звучит как определение принципа анимизма, и так оно и может быть, ибо фетишизм - это анимизм, рассматриваемый, так сказать, с другой стороны и в деталях. Анимизм видит все вещи одушевленными духами; фетишизм видит дух, воплощенный в индивидуальном объекте.

Но есть то различие, что дух, который, как полагают, занимает фетиш, представляет собой концепцию, отличную от духа анимистической теории; это не душа или жизненная сила, принадлежащая объекту и присущая ему, из которой проистекает добродетель, но дух или сила, привлеченные к нему и включенные в него, хотя и отделимые от него. Дух фетиша также отличается от бога, поскольку он может оживлять только один объект, в то время как бог может проявлять свою силу в различных формах.

Так, в приведенном выше рассказе Босмана о бенинском фетише он говорит о 'трубке, в которой находится идол', то есть о материальном жилище, в которое дух был заманен каким-либо средством привлечения. Мисс Кингсли, описывая фетиш или *джуджу*, говорит: "Это не кукла или игрушка, и она имеет гораздо большее сходство с образом святого, поскольку почитается не сама по себе и не из-за своей красоты, а только потому, что является резиденцией или случайным пристанищем духа" (40, 287).

Материальные объекты, которые образуют божества-покровители или *Богемы* туземцев Золотого Берега, не являются символами богов, которые обычно обитают в других местах; каждый из них является фактическим вместилищем или обычным местом пребывания

внутреннего бога. Одной может быть деревянная фигурка, другой - камень, третьей - закрытый калекас или глиняный горшок, содержащий смесь крови и земли (15, 80).

Лучший пример этого класса представлен *suhman*.

Человек, который хочет *сухман*, берет несколько предметов, это может быть грубо вырезанная деревянная фигурка или камень, корень растения или немного красной земли, помещенные в кастрюлю, а затем он призывает духа Сасабонсум ('род божеств, каждый представитель которого обладает идентичными характеристиками') войти в подготовленный предмет, обещая ему подношения и поклонение. Если дух соглашается поселиться в объекте, раздается низкий шипящий звук, и *сухман* завершен. Он получает небольшую порцию ежедневной пищи своего владельца, к нему относятся с почтением, и в основном он используется для того, чтобы навлечь зло на кого-то другого (15, 100-101).

5. Иногда фетиш является просто **проводником или средством, с помощью которого дух общается** со своими почитателями, и приобретает временную индивидуальность только при таком вдохновении. Это символ новозеландских фетишей, *вакапакоко*, или образов.

'Было использовано небольшое изображение длиной около 18 дюймов, напоминающее колышек с резной головкой. Жрец сначала перевязывал полоску красных попугайных перьев под подбородком бога, которая называлась *еголахау* или борода; когда это было сделано, ею завладевал *атуа*, дух которого входил в нее; затем жрец либо держал ее в руке и вибрировал в воздухе, пока повторялась мощная *каракия* (заклинание, молитва), либо он обвязывал шею статуи куском бечевки, сделанной из сердцевины льняного листа, и втыкал ее в землю: он садился на небольшом расстоянии от нее, держа в руках веревку в своей руке и дернул бога, чтобы привлечь его внимание" (69, 182).

Считалось, что эти фетиши маори "обладают добродетелью или особой святостью только благодаря присутствию бога, которого они представляют в наряде, в другое время они считались кусочками обычного дерева" (69, 212). Использование слов 'образ' и 'бог', по-видимому, переводит эту церемонию на более высокий уровень, чем фетишизм, но 'бог' обычно является духом предка, а "изображение" - это не столько портрет почитаемого божества, сколько выражение таланта маори к резьбе по дереву.

6. В то время как концепция фетиша как средства общения между духом и верующим поднимает фетишизм на более высокий уровень религиозной эволюции, концепция фетиша **как инструмента, с помощью которого действует дух**, низводит его до стадии, которая вовсе не обязательно является религиозной, до стадии, когда фетиш часто рассматривается просто в свете амулета.

Это низшая и наиболее распространенная форма фетишизма; практически можно сказать, что она универсальна.

Босниец рассказывает, что слово "Фетиш" в основном используется в религиозном смысле или, по крайней мере, происходит оттуда, но "фетишем называются все вещи, сделанные в честь этих ложных богов, никогда не столь подлых".

Эти материальные чары настолько распространены, что благодаря универсальности их использования и тому значению, которое им придается повсюду, в домах и на теле человека, они почти монополизируют религиозную мысль негра-банту, подчиняя другие признанные пункты его теологии, доминируя почти над всеми его религиозными интересами и придавая ведомственному слову "фетиш" такое подавляющее значение, что оно стало отличительным названием местной африканской религиозной системы (53, 80). "У новорожденного младенца на шее, запястьях или чреслах завязан узел здоровья, и вплоть до самого преклонного возраста каждый продолжает умножать, обновлять или изменять эти талисманы жизни" (53, 85).

Интересно найти эту форму фетишистского очарования, описанную Босманом в начале восемнадцатого века.

"Как только ребенок рождается, посылают за священником (здесь называемым Фетичи или Конфоз), который обвязывает голову, тело, руки и ноги младенца свертком из веревок, кораллов и другого мусора; после чего он изгоняет нечисть в соответствии с их обычной манерой, с помощью которой, по их мнению, он защищен от всех болезней и несчастных случаев, и, несомненно, это так же эффективно, как если бы это делал сам папа римский" (54, xvi. 388).

Отец Меролла, еще более ранний путешественник, упоминает эти амулеты из района Конго (1682).

Четвертое злоупотребление заключается в том, что, пока их дети молоды, эти люди связывают их определенными суеверными веревками, изготовленными волшебниками, которые также учат их произносить своего рода заклинание, пока они их связывают. Они также в то же время развешивают вокруг себя кости и зубы ныряющих животных, являясь, как говорится, предохранителями от силы любой болезни. Точно так же есть некоторые матери, настолько глупые, что они вешают Agnus Deis, медали и реликвии на вышеупомянутые шнуры" (54, xvi. 237). "Чтобы исправить эти расстройства, мы сочли уместным издать следующие постановления: Чтобы все матери делали веревки, которыми они перевязывали своих младенцев, из пальмовых листьев, освященных в Вербное воскресенье; кроме того, тщательно охраняйте их другими подобными реликвиями, которыми мы привыкли пользоваться во время крещения" (54, xvi. 239).

Этим фетишистским амулетам можно поклоняться и считать антропоматическими, когда они являются настоящими фетишами, или им может просто "повезти" без религиозного отношения или духовной интерпретации, или они могут быть чем-то средним между двумя крайностями.

7. Точно так же, как человеческое тело и душа образуют единую личность, так и материальный объект и населяющий его дух или сила образуют единую личность, возможно, более расплывчатую, но все же обладающую многими отчетливо человеческими качествами. Оно **обладает индивидуальностью и волей**, у него также много человеческих характеров. Ему присущи большинство человеческих страстей, гнев, месть, а также великодушие и благодарность; он находится в пределах досягаемости влияния и может быть доброжелательным, следовательно, его следует порицать и умиротворять, прибегая к его помощи (53, 62).

Предметы, используемые айнами в качестве фетишей, палки, черепа животных, когти, лапы, омега, камни и т.д., рассматриваются как одушевленные, обладающие собственной жизнью, способные защищать своих почитателей во время опасности, исцелять их при болезни и благословлять их общим процветанием (4, 375-6).

По этой характеристике, по обладанию личностью и волей, по своей материальной и духовной двойственности фетиш отличается от амулета как от идола; он всегда "антропоматичен" (61, 61).

8. Фетиш может действовать по воле или силе своего собственного духа или силой чужого духа, проникающего в него извне или воздействующего на него.

"Помимо общепризнанных мест обитания духов, которые можно назвать естественными для них, любое другое местоположение может быть приобретено ими временно, на более или менее продолжительные периоды" (53, 62).

Когда фетиш действует силой своего собственного духа, это нечто большее, чем просто анимизм (v. выше, стр. 77). Это становится фетишем не в результате применения общей веры в души к особому объекту, а в результате процесса, который Шульце разделил на четыре этапа (62, 215-223):—

1. Ценность, которую некультурный человек приписывает какому-либо предмету, часто преувеличивается, особенно если этот предмет каким-либо образом бросается в глаза, необычен или загадочен.
2. Он приписывает ему антропоматическую природу, полагая, что все природные объекты подобны человеку, с человеческими характеристиками.
3. Посредством причинной связи идей он связывает объект с благоприятными или неблагоприятными событиями, на которые, по его мнению, он влияет.
4. Вера в ее силу побуждает его благоговеть перед ней и пытаться примирить и умиловить силу посредством поклонения.

В качестве примера можно привести якорь, брошенный на пляже в устье реки Кейси (45):—

1. Якорь был необычным предметом, поэтому ему приписывали преувеличенную ценность и рассматривали с большим интересом.
2. Считалось, что оно обладает собственной жизнью, душой или духом, в чем-то аналогичным человеческой.
3. Один кафр отломил кусок якоря и вскоре после этого умер. Эти два события были связаны друг с другом, и считалось, что причиной смерти стал обрыв якоря.
4. Таким образом, была установлена сила духа-якоря, и туземцы поклонялись ему со страхом и надеждой.

Так возник фетиш.

Но чаще дух привлекается к объекту извне, как в случае с суханом Золотого берега, где дух Сасабонсума приглашается в камень или другой подготовленный для этого предмет, или как в наиболее распространенном типе западноафриканского фетиша, где блуждающий дух локализуется в предмете посредством церемоний и заклинаний уганги или волшебного доктора (53,81).

Различие между различными силами, оживляющими фетиш, четко прослеживается на Золотом побережье (16, 275). Тиши верят, что все в природе одушевлено; что во всем, что сделано не

руками, обитает дух, обладающий силами, полезными или пагубными для человека, в зависимости от того, умиловывают его или пренебрегают им; поэтому поклоняются более опасным духам рек, гор, скал и отмелей. Позже изготавливается изображение бога природы из материала из его среды обитания, и оно переносится в место, более удобное для верующих, и формирует их божество-покровителя. Постепенно его происхождение забывается, и бог природы становится фетишем.

Но помимо этих 'богов природы' существуют 'боги-призраки'. Фетиш может быть оживлен 'богом-призраком', поскольку сила умерших людей продолжает жить в их призраках; им приносятся жертвы, и боги-призраки также превращаются в божества-покровители. Возможно, поклонение предкам и фетишизм связаны более тесно, чем это принято считать (16, 280). Меланезийцы верят, что души умерших действуют через кости; в то время как независимые духи выбирают камни в качестве своих посредников (6, 131).

9. В популярном представлении о фетишизме материальному объекту поклонялись в его собственном характере, но одна из фундаментальных концепций западноафриканского фетиша заключается в том, что **дух и материальный объект могут быть разделены**, и что, хотя дух временно включен в фетиш, они не более неразделимы, чем душа и тело человека. Концепция двойственности всего сущего лежит в основе всех западноафриканских верований. 'Все, что он знает посредством своих органов чувств, он рассматривает как двоякую сущность — частично дух, частично недуховность, или, как мы должны были бы сказать, материю; связь определенного духа с определенной массой материи, по его мнению, непостоянна. Он укажет вам на дерево, пораженное молнией, и скажет, что его дух был сломлен; он скажет вам, когда будет разбит горшок для приготовления пищи, что оно потеряло свой дух; если его оружие выходит из строя, это потому, что кто-то украл или заболел его духом с помощью колдовства. Каждым действием своей жизни он показывает вам, насколько он живет в окружении великого могущественного духовного мира' (39, 141).

Когда дух "мертв", фетиш больше не имеет ценности: "маленькая вещица, в которой вы хранили дух, теперь бесполезна и годится только для продажи белому человеку как "большая редкость"!" (40, 304-5). Но иногда святость все еще цепляется за бывшее жилище духа, и им пользуются как талисманом, хотя больше не поклоняются как фетишу.

The *Mirrhone*, дерево, которому поклонялись в регионе Конго, было богом-покровителем жилища, и владельцы ставили у подножия дерева тыквы, наполненные пальмовым вином, чтобы дух мог пить, "и они не осмеливались наступать на его листья так же, как мы не осмеливались бы наступать на святой крест". Но если он каким-либо образом повреждался, они больше не поклонялись ему, но сдирали кору, из которой делали нижние юбки для женщин, служившие защитными амулетами (54, xvi. 236). Из-за возможности того, что дух может покинуть фетиш, его необходимо протестировать, чтобы увидеть, действительно ли в нем обитает дух или нет, и туземцы Золотого Берега бросают свой Бохсум в огонь в качестве испытания. Если огонь повреждает его в самой малой степени, это не настоящий Бохсум, в нем нет внутреннего духа (15, 92).

Иногда дух насильственно изгоняется из своего жилища с определенной целью. Вскоре после того, как сэр Ричард Бертон прибыл в Дагомею, "вечером появился юноша-фетишист,

преклонил колени перед домашним алтарем, разбил несколько изображений и ушел, заявив, что он призвал фетишей и что я могу после *evocatio deorum* сделать все, что в моих силах" (9, i. 299).

10. Фетишу **поклоняются, ему молятся, ему приносят жертвы и с ним разговаривают** как с разумным и волевым олицетворением духа или силы. Примеры жертвоприношений, молитв и поклонения фетишам можно найти во всех частях книги, и многие примеры уже приводились.

Перед ними ежедневно ставят подношения в виде еды и питья, иногда приносят в жертву петуха; иногда, если верующие богаты, закалывают овцу, "которую они приносят богам только на словах, потому что они немедленно набрасываются на нее и разрывают на куски пальцами" (54, xvi. 400).

Личная заинтересованность фетишей в делах своих почитателей проявляется в церемониях, связанных со смертью и погребением Фиоте. Когда все в сборе, старший обращается к двум семейным фетишам, которыми владеют двое членов семьи. Указывая на них и пожимая им руку, он рассказывает им, как умер покойный, и все, что сделала семья, чтобы уладить это дело; он рассказывает им, как они позволили забрать отца, и молит их защитить остальных членов семьи; и когда он заканчивает свое обращение, двое, которые держат фетиши, берут немного земли и бросают ее на головы фетишей, затем, подняв их, втирают их головы в землю перед ними" (13, 135).

11. Фетиш **балуют или плохо обращаются с ним в связи с его прошлым или будущим поведением**. Дух приглашается войти в чары *сухмана*, приготовленные для него обещаниями подношений и пищи (16, 100), и особые подношения делаются перед началом любого великого предприятия.

Но когда примирение не удастся, владельцу иногда приходится прибегать к силе, хотя полковник Эллис утверждает, что за весь его опыт общения с туземцами Золотого Берега он никогда не видел и не слышал о каком-либо принуждении к фетишу со стороны туземцев, и что идея принуждения совершенно чужда их сознанию (15, 194). Кафиры, похоже, более жестоки в своих методах.

Кафры играют в азартную игру перед своими идолами и, если случай будет против них, бьют своих идолов ногами и боксируют; но если после этого исправления их эксперименты окажутся безуспешными, они сжигают им руки и ноги в огне; если же несчастье все еще сопутствует им, они швыряют идолов на землю, топчут их ногами, разбивают о них с такой силой, что разбивают на куски. Некоторые, действительно, проявляющие большее почитание к изображениям, довольствуются тем, что заковывают их в кандалы до тех пор, пока не достигнут своей цели; но если это не произойдет так рано, как того требует их нетерпение, они привязывают их к веревке и постепенно опускают в воду, даже на дно, надеясь таким образом заставить их быть благосклонными; если после этого удача не последует, идолов извлекают из воды, терпение даже самых кротких кафров истощается, и изображения подвергаются самому грубому негодованию" (54, xvi. 696).

Негр в Гвинее бьет свой фетиш, если его желаниям не суждено сбыться, и прячет его под пояс, когда собирается сделать что-то, чего стыдится (38, 91).

III. ФЕТИШИЗМ КАК ФОРМА РЕЛИГИОЗНОГО ПОКЛОНЕНИЯ

Фетишизм - это стадия религиозного развития, связанная с низким уровнем сознания и цивилизации, и он формирует основу, на которой развились многие другие формы религиозной мысли, так что трудно указать, где заканчивается фетишизм и начинаются поклонение природе, предкам, тотемизм, политеизм и идолопоклонство, или провести различие между фетишем, идолом и божеством.

Сюда входят концепции, которые являются чисто магическими, принуждение к сверхъестественному с помощью природных объектов; и это также включает концепции, которые сохраняются в более высоких формах религии, таких как поклонение символу невидимой силы.

Это ранний продукт примитивного религиозного инстинкта человечества, развивающийся на низком уровне культуры среди людей с очень богатым воображением.

Фундаментальное религиозное чувство, которое повсеместно является частью ментального оснащения человека, Маретт назвала сверхъестественным, и, возможно, его лучше всего обозначить в английском языке термином "благоговейный трепет", в котором замешаны страх, удивление, восхищение, интерес, уважение, возможно, даже любовь. Объектом этого религиозного 'чувства', или, как многие называли бы это, 'инстинкта', является сверхъестественное. Признание сверхъестественного, фундаментальное религиозное чувство благоговения, развивается двумя путями. "В области человеческого мышления возникает мощный импульс объективировать и даже персонифицировать таинственное или "сверхъестественное" нечто, что ощущается; а в области воли - соответствующий импульс сделать это безвредным или, что еще лучше, благоприятным силой принуждения, общения или примирения" (50, 168).

Таким образом, человек олицетворяет силу, которую он не может понять, называя ее именами, которые мы переводим как дух или бог, и он поклоняется ей, умиляясь ей подношениями и жертвоприношениями и вступая в общение с ней посредством молитвы. Таким образом, вырабатываются два фундаментальных фактора религии: вера в некую таинственную силу и желание войти в общение с этой силой посредством поклонения. Богослужение разных групп народов выражается по-разному, отражая ментальный тип верующих, их цивилизацию, их культуру, их характер и темперамент.

Холодные, практичные, флегматичные северяне молятся в голых стенах, в то время как пыл богатого воображением Юга требует выражения в тщательно продуманном ритуале с богатством декора, теплотой красок, приглушенным освещением и тихой музыкой.

Необычайно живое воображение и детская способность негра "притворяться" нагружают его еще больше; живая фантазия западноафриканца требует видимого объекта, на который можно было бы направить поклонение. Он желает действительно и осмысленно созерцать своего бога и даже обладать им, поэтому он включает его в осязаемый объект и удовлетворяет свой религиозный пыл, направляя свое поклонение этому объекту. Таким образом, развиваются фетишизм и фетишистские представления.

СНОСКИ

[1] Позитивная философия.

[2] *Historische Nachrichten zur Kenntniss der Menschen.*

[3] За ссылки на наводящее на размышления использование слова Плавтом я в долгу перед мисс Рейчел Уайт из Ньюнхэм-колледжа.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аллен, Дж. *Современный иудаизм*. Лондон: Гамильтон, 1816.
2. Армит, У. Э. 'Обычаи австралийских аборигенов'. *Journ. Anth. Inst.*, ix. Лондон, 1880 год.
3. Арно, Фред. С. *Гаренганце, или Семилетняя миссионерская работа пионеров в Центральной Африке*. Лондон: Хокинс, 1889.
4. Батчелор, Дж. *Айны и их фольклор*. Лондон: Общество религиозных трактатов, 1901.
5. Богорас, У. 'Чукчи'. *Северотихоокеанская экспедиция Джессапа*, vii. (1) Leiden: Brill; New York: Stachert, 1904.
6. Бринтон Д. Г. *Религии первобытных народов*. Нью-Йорк: Путнэмс, 1897.
7. - *Мифы Нового Света; трактат о символике и мифологии Красной расы Америки* (3-е изд.) Филадельфия: М'Кей, 1896.
8. Brosses, Ch. de. *Du culte des dieux fétiches*. Париж: 1760 год.
9. Бертон, Р. Ф. *Миссия к Гелеле, королю Дагомеи*. Лондон: Братья Тинсли, 1864.
10. Казалис Э. *Басутос, или Двадцать три года в Южной Африке*. Лондон: Nisbet & Co., 1861.
11. Клодд, Э. *Том Тит Том; Очерк философии дикарей в народных сказках*. Лондон: Дакворт, 1898.
12. Кодрингтон Р. Х. *Меланезийцы: исследования по их антропологии и фольклору*. Оксфорд: Издательство "Кларендон Пресс", 1891.
13. Деннетт Р. Э. 'Смерть и погребение фиоте'. *Фольклор*, viii. 1897.
14. Добрицхоффер М. *Рассказ об абипонах, конном народе Парагвая*. Лондон: Мюррей, 1822.
15. Эллис А. Б. *Говорящие на тши народы Золотого берега Западной Африки*. Лондон: Чепмен и Холл, 1887.

16. - *Народы Невольничьего побережья Западной Африки, говорящие на языке йоруба*. Лондон: Чепмен и Холл, 1894.
17. Эллис, У. *Полинезийские исследования*. Лондон: Фишер, Сон и Джексон (2-е изд.), 1831.
18. Элзорт, Ф. Т. *Дурной глаз*. Лондон: Мюррей, 1895.
19. Флетчер, Элис К. "Импорт тотема". *Доклад Ам. Доц. Advanced. Sci.* (Собрание в Детройте, 1897); также "Заметки" и т.д. (Собрание в Буффало, 1896).
20. Фрейзер Дж. Г. *Золотая ветвь; исследование магии и религии*. (2-е изд.) Лондон: Macmillan & Co., 1900.
21. -- *Лекции по ранней истории королевской власти*. Лондон: Macmillan & Co., 1905.
22. Friedel, E. '*Brandenburgia*'; *Monatsblatt der Gesellschaft für Heimatkunde der Provinz Brandenburg zu Berlin*, xii. 1904.
23. Гарнер Р. О. "Суеверия западноафриканских племен". *Австралия. Асс. респ.* 1895.
24. Гастер М. 'Две тысячи лет действия заклинания против ведьмы, крадущей детей'. *Фольклор*, xi. 1900.
25. Грегори, Августа, Леди. *Боги и воины*. Лондон: Мюррей, 1904.
26. Ганн, Джинни. *Маленькая черная принцесса; правдивая история о жизни в Стране Небытия*. Лондон: Моринг, 1905.
27. Хэддон, А. К. *Изучение человека*. Лондон: Мюррей, 1898.
28. Хэддон, А.К. *Охотники за головами; Черные, белые и коричневые*. Лондон: Метуэн, 1901.
29. -- *Материалы Кембриджской антропологической экспедиции в Торресов пролив*. Издательство Кембриджского университета, 1904.
30. Хартленд Э. С. *Легенда о Персее; изучение традиции в истории, обычаях и верованиях*. Лондон: Натт, 1894-6.
31. Хейс Х. М. "Гипноз, его история, природа и использование". *Ежемесячник популярной науки*, lxvii. Нью-Йорк, 1905 год.
32. Хирн Ю. *Истоки искусства; психологическое и социологическое исследование*. Лондон: Macmillan & Co., 1900.
33. Холмс Дж. "Заметки о религиозных идеях племени элама из Папуасского залива". *Journ. Anth. Inst.*, xxxii. 1902.
34. Ховитт А. В. "Об австралийских знахарях". *Журнал. Anth. Inst.*, xvi. Лондон, 1886.
35. - *Коренные племена Юго-Восточной Австралии*. Лондон: Макмиллан, 1904.
36. Джеворнс Ф. Б. *Введение в историю религии*. (2-е изд.) Лондон: Methuen & Co., 1902.

37. Джойс, П. У. *Социальная история древней Ирландии*. Лондон: Лонгманс, Грин и Ко., 1903.
38. Кидд Д. *Истинный кафир*. Лондон: Блэк, 1904.
39. Кингсли, М. Х. 'Фетишистский взгляд на человеческую душу'. *Фольклор*, viii. 1897.
40. - *Путешествия по Западной Африке*. Лондон: Макмиллан, 1898.
41. -- *Исследования Западной Африки*. Лондон: Макмиллан, 1899.
42. Лейн Э. В. *Манеры и обычаи современных египтян*. Пейсли и Лондон: А. Гарднер, 1895.
43. Лиланд, К. Г. *Этрусский роман остается популярной традицией*. Лондон: Фишер Анвин, 1892.
44. Letourneau, C. *La Sociologie*. Париж: Рейнвальд, 1880.
45. Лихтенштейн Х. *Путешествия по Южной Африке*. Лондон: Колберн, 1812.
46. Lippert, J. *Die Religionen der Europäischen Culturvölker*. Berlin, 1881.
47. "1000 примечательных вещей" Лэптона. 1612 год.
48. Макдональд С. 'Пережитки Старого света в Росс-шире'. *Фольклор*, XIV. 1903.
49. Маклаган Р. К. 'Заметки о предметах фольклора, собранных в Аргайлшире'. *Фольклор*, vi. 1895.
50. Маретт Р. Р. 'Доанимистическая религия'. *Фольклор*, xi. 1900.
51. - "От заклинания к молитве". *Фольклор*, xv. 1904.
52. Max Müller, F. *Natural Religion*. Лондон: Лонгманс, 1892.
53. Нассау, Р. Х. *Фетишизм в Западной Африке*. Лондон: Дакворт, 1904.
54. Пинкертон Дж. *Общее собрание лучших и интереснейших путешествий во всех частях света*. Лондон: Лонгманс, 1814.
55. Подмор Ф. *Видения и передача мыслей*. Лондон: У. Скотт, 1894.
56. Оуэн, Мэри А. *Фольклор индейцев мускуаки Северной Америки*. Лондон: Натт, 1904.
57. -- *Старый Кролик Вуду и другие колдуны*. Лондон: Т. Фишер Анвин, 1893.
58. Рис, Дж. "Валлийские феи". *Девятнадцатый век*, октябрь 1891г.
59. Рот, Х. Линг. "О значении Куваде". *Журнал. Ант. Инст.*, xxii. 1893.
60. - *Уроженцы Саравака и британского Северного Борнео*. Лондон: Truelove & Hanson, 1896.
61. Saussaye, P. D. C. de la. *Руководство по науке религии*. Лондон: Longmans, 1891.
62. Schultze, F. *Psychologie der Naturvölker*. Leipzig: Veit, 1900.

63. Скит, В. В. *Малайская магия*. Лондон: Макмиллан, 1900.
64. Спенсер Б. и Гиллен Ф. Дж. *Коренные племена Центральной Австралии*. Лондон: Макмиллан, 1899.
65. Сент-Джон, С. *Жизнь в лесах Дальнего Востока*. Лондон: Smith, Elder & Co., 1862.
66. Стоукс, Уитли. 'Разрушение общежития Да Дерги'. *Revue Celtique*.
67. Супер, К. У. "Врачи и философы". *Поп. Ежемесячник науки*, lxxvii. Нью-Йорк, 1905.
68. Светтенхэм, Ф. А. *Малайские зарисовки*. Лондон: Лейн, 1895.
69. Тейлор Р. *Те Ика на Мауи*. Лондон: Macintosh, 1870.
70. Тайлор Э. Б. *Исследования ранней истории человечества и развития цивилизации*. (3-е изд.) Лондон: Мюррей, 1878.
71. -- *Первобытная культура*. (2-е изд.) Лондон: Мюррей, 1873.
72. Вестермарк Э. 'Волшебное происхождение мавританских узоров'. *Journ. Ант. Инст.*, xxxiv. 1904.

Напечатано Т. и А. Констеблями, типографами Его Величества
издательства Эдинбургского университета